

Сю Э.

**МОРСКОЙ РАЗБОЙНИК
ПЛИК И ПЛОК**

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Эжен Сю

**Морской разбойник.
Плик и Плок (сборник)**

«Алгоритм»

1831

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Сю Э. Ж.

Морской разбойник. Плик и Плок (сборник) / Э. Ж. Сю —
«Алгоритм», 1831 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03959-1

Эжен Сю (наст. имя Мари-Жозеф; 1804–1857) – французский писатель. Родился в семье известного хирурга, служившего при дворе Наполеона. В 1825–1827 гг. Сю в качестве военного врача участвовал в морских экспедициях французского флота, в том числе и в кровопролитном Наваринском сражении. Как писатель Сю начинает в 1832 г. с приключенческих морских романов, в дальнейшем переходит к романам историческим; за которыми последовали бытовые (иногда именуемые «салонными»). Но подлинную литературную славу принесли ему созданные позже знаменитые социально-авантюрные романы «Парижские тайны» и «Вечный жид». Романы «Морской разбойник» и «Плик и Плок», представленные в данном томе, созданы писателем в самом начале творческой карьеры. Уже в них Эжен Сю показал себя увлекательным рассказчиком, проявил богатую фантазию в описании моря и повседневного морского быта. Колониальная экспансия (захват Алжира и др.) возбудила в 30-х гг. XIX века живой интерес к экзотическим странам. Все это обеспечило успех приключенческих романов Сю, где на фоне тропических пейзажей действуют гордые, тщеславные личности, таинственные злодеи и безумно смелые морские волки.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03959-1

© Сю Э. Ж., 1831

© Алгоритм, 1831

Содержание

Морской разбойник	7
Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	26
Глава VIII	28
Глава IX	32
Глава X	36
Глава XI	37
Глава XII	40
Часть вторая	41
Глава I	41
Глава II	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эжен Сю
Морской разбойник. Плик и Плок
Сборник

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Морской разбойник

Часть первая

Глава I Катерина

*Прости, жена, страна родная!
Простите, дети и отец!
Навеки я вас покидаю,
И вдаль корабль меня несет!*
...
Где лучше жить, как не среди семейства?

Посмотрите на этот корабль, как тихо скользит он по неизмеримому пространству Африканского моря, ибо легкий ветерок едва надувает широкие темноватые паруса его!

Прислушайтесь к глухому и печальному шуму Океана, подобному шуму многолюдного пробуждающегося города, посмотрите на эти длинные ряды валов, гребни которых покрываются белой и блестящей пеной, то возвышающиеся, то падающие и разлетающиеся от взаимного столкновения мелкой водянистой пылью.

О, как блестит эта пенистая бахрома, окружающая темные бока корабля!

Как сверкает его медная обшивка посреди этих прозрачных и зеленых волн!

Как приятно сияет солнце сквозь эти округленные паруса, далеко отбрасывающие свою дрожащую тень.

Клянусь честью, что это славный корабль, который качается здесь перед нами, на тихо волнующемся море, играет в волнах как рыбка в хорошую погоду.

Движимый легким попутным ветром, он благополучно продолжает путь свой на юго-восток, плывя из Европы, где, без сомнения, свалил весь груз свой, ибо он идет порожний, с одним балластом, и выказывает над водой почти половину медной обшивки своей.

На палубе чрезвычайно жарко, от палящего африканского солнца не спасает и двойная палатка, раскинутая на корме корабля.

Все на этом корабле чисто, опрятно, блестит и лоснится; везде удивительный порядок и самое мелочное устройство, так что он похож несколько на внутренность галантерейного магазина.

Отворенные настежь окна каюты пропускали туда свежий легкий ветерок, приподнимавший хорошенькие ситцевые занавески и широкий полог, легкими складками окружавший привешенную к потолку каюты койку.

Убранство этой каюты было очень просто: два стула, несколько математических инструментов, труба, чемодан, столик и на нем два стакана и кружка водки. Вот все, что там было. На стене висел портрет полной и грудастой женщины, улыбающейся толстенькому краснощекому мальчику, подававшему ей розу. Подле нее изображен был большой ангорский кот, играющий клубком ниток.

Какой портрет! Какая женщина! Какой ребенок! Какая роза! Какой кот!

Все это было довольно дурно намалевано. Однако ж тут была видна какая-то грубая простота, имевшая свою приятность. В этой безобразной картине можно было узнать добрую, веселую и счастливую женщину; и все в ней, даже этот толстый мальчишка, красный как роза, казалось, дышало счастьем и радостью.

Над картиной висел старательно прикрепленный гвоздем совершенно увядший и засохший венок из васильков.

Матросы, утомленные жарой, ушли, без сомнения, в трюм, и все спало на корабле, за исключением рулевого и трех других моряков, лежавших у большой мачты.

В это время рулевой позвонил восемь раз в маленький колокольчик, находившийся подле него, и воскликнул громким голосом:

– Эй, вы, ступайте на смену!

Шум, произведенный этим движением, разбудил человека, спавшего в кормовой каюте, ибо полог зашевелился, раздался кашель и бормотанье, и он вышел оттуда, протирая себе глаза и зевая странным образом.

Это был господин Бенуа (Клод Борромей Марциал). Шкипер и хозяин корабля «Катерина», в триста ластов груза и обшитого медью.

Господин Бенуа был человек малорослый, сутулый, краснощекий, несколько плешивый, с большим красным носом, толстыми губами, вдавшимся подбородком, полными и гладкими щеками и маленькими светло-голубыми глазами, выражавшими совершенное спокойствие; одним словом – одаренный самой честнейшей наружностью в свете. Одет он был в куртку и панталоны из полосатой нанки. И когда, повязав на шею шелковый цветной платочек и надев на сидящую голову свою соломенную шляпу с широкими полями, он вышел на палубу со спокойным и веселым лицом, заложив руки назад... то, если бы не палящее солнце экватора, сверкавшее в волнах океана, как в зеркале, если бы не удушливый жар и не зыбкая палуба корабля, то можно было бы принять господина Бенуа за доброго сельского жителя, наслаждающегося благовонным утренним воздухом в своей цветущей липовой рощице и вдыхающего ароматный запах своих жасминовых кустов, покрытых блестящими каплями росы.

– Ну что, земляк, – сказал он рулевому, шутя ущипнув его за ухо, – не правда ли, что наша «Катерина» идет перед ветром, как почтительная дочка перед своей маменькой?!

Господин Бенуа любил употреблять всегда целомудренные сравнения.

– Да, капитан, она шатается и виляет, как пьяная баба. Смотрите-ка... как ее качнуло. А вот еще.

– Что делать, дружок! Если бы у нас лежало внизу несколько десятков пудов чугунного балласта, то бедная «Катя» не шаталась бы так. Но дай только нам загрузиться и ты увидишь, что она также твердо будет стоять, как и комод мой для белья, который, помнишь, ты видел у меня в городе Нанте в моей столовой, где я обедаю с моими друзьями, – сказал простодушно добрый шкипер, тяжело вздохнув. В эту минуту рослый мужчина, смуглый и худощавый, слез с мачты и прыгнул на палубу.

– Я не видел более этого судна, – сказал он капитану Бенуа, возвращая ему подозрную трубу. – Видно оно скрылось в тумане, который чертовски густеет, а солнце? Как оно красно!

– Правда ваша, Симон, что солнце похоже теперь на раскаленную сковороду, на которой бывало Катя моя готовила мне макароны, зная, что я их так люблю... – Тут он опять вздохнул. – Но, однако ж, послушай, это судно, право, начинает беспокоить меня.

– Оно исчезло, капитан, исчезло. Сперва было я принял его за военный корабль; но нет, оснастка на нем в таком беспорядке, мачты и паруса такие высокие, что сам черт бы опрокинулся на нем... если бы черти...

– Симон... Симон! Ты опять начал! Я не люблю слушать как ты богохульствуешь и философствуешь как язычник; а это не пройдет тебе даром. Смотри!

– Ну, хорошо, я перестану. Но я уверяю вас, что это точно не военный корабль, притом же английские и французские военные суда не заходят никогда в эту сторону, а потому опасаться нечего.

– Да я не опасуюсь и нарочно выбрал этот путь, чтобы ни с кем не встретиться. Дела мои от этого только выиграют; еще денек-другой, и мы увидимся с дядей Ван Гопом. Да, кстати, этот старый хрен становится чертовски скуп. *Черное дерево* ужасно теперь вздорожало. Ах! Прошло то блаженное времечко, когда, бывало, за несколько ящиков железного лома я нагружал неграми корабль мой битком.

– Тогда, – сказал Симон, – и изъян-то был нипочем.

– Изъян, Симон? Ну изъяну всегда было на треть, потому что, видишь ли, черное дерево лопается и трескается под палубой от жары и сырости.

– Зато, капитан, уж и остатки-то сладки! Их можно славно продать на острове Ямайке и делать из них лопаты и телеги, не опасаясь, что растрескаются... – отвечал Симон смеясь.

– Шут! Однако ж этот товар очень требуется в колониях.

– Черт возьми, капитан! Разумеется! Эти хваты колонисты гнут их в три погибели беспощадно! Зато идохнут они у них как будто бы черти их...

– Ах! Симон! Опять! Ты никак не можешь отвыкнуть... Замолчи же, пожалуйста, а не то как раз накличешь на нас беду. Перестань. Пойдем-ка лучше в каюту, поговорим о Кате да выпьем по стаканчику...

Шкипер и его помощник вышли в каюту и сели за стол.

– Посмотри-ка, Симон, – сказал Бенуа, указывая на портрет, украшавший его маленькую комнатку, – можно подумать, что Катерина смотрит на нас и Томас также... как они похожи! Даже кот Базиль как будто бы узнал меня и нарочно поднял лапку! А этот венок, подаренный ими мне в именины мои... в день святого Клода... Ах! Бедные душечки мои! Как я думаю о вас! Что-то вы теперь подделываете! – И он тяжело вздохнул. – Достойный человек!

– Воистину, капитан, вы славный отец семейства, – отвечал Симон с чувством искреннего убеждения.

– Зато это путешествие мое последнее... – продолжал Бенуа. – Возвратившись домой, я уже более никуда не поеду. Притом же чего еще более желать мне? Я не честолюбив. Ах! Боже мой! У меня есть маленький белый домик с зелеными ставнями, акациевая беседка, в которой я могу обедать с моими друзьями и моей милой Катей... моей любезной супругой. – И капитан Бенуа, со сверкающими от радостных воспоминаний глазами, с любовью смотрел на портрет своей супруги.

– Зато, капитан, и супруга ваша, можно сказать, что... Ах, супруга ваша достойна быть любимой... У нее, черт возьми, пара таких...

– Симон! Ах, Симон!

– Извините, пожалуйста, капитан! Это ром ваш всему виной, он такой крепкий и бросается прямо в голову... Но посмотрите, какая тишина, какая погода! Право, сердце радуется! Кстати, о роме говорят, и я в этом твердо уверен, что нет ничего лучше для здоровья, как вскипятить в водке еловую шишку с двенадцатью стручками красного перца, все это смешивают потом с ромом или коньяком, и, черт возьми, капитан, я сожалею, что у меня горло не так широко, как это окно, для того, чтобы я мог поглощать сей напиток ведрами!

– Чтоб тебя! Да от этого, я думаю, дух захватит, – сказал Бенуа, покачав головой.

– Вовсе нет, капитан, это очень легко проскакивает в горло... настоящий бальзам для желудка... Я знал одного парусника по имени Беке, который излечился им от ужаснейшего насморка и кашля, полученного во льдах Новой Земли.

– Это так же верно, как и то, что у Катерины один глаз. Симон, за твое здоровье, друг мой!

– Верьте или не верьте, как хотите. За ваше здоровье, капитан! Но посмотрите, пожалуйста, что за погода у нас!

– Правда, Симон! Славное времечко, ветерок так и поддувает! О, какое прекрасное солнце! За твоё здоровье! В такую погоду так и тянет пить.

– Капитан, это очень натурально, положите мокрую губку на солнце, и вы увидите! За ваше здоровье.

– Ах, Симон, да ты сам стал похож на губку! Ты порядочно втягиваешь в себя влагу, – отвечал ему капитан Бенуа, который был уже очень навеселе. – Послушай-ка, Симон...

– Что такое, капитан?

– Если ты не зашалишь и дядя Ван Гоп не слишком обдерет меня, то на обратном пути с острова Ямайка мы зайдем кое-куда...

И добрый шкипер поведал Симону о том, как они обойдут почти четверть земного шара, чтобы «зайти кое-куда», так же просто, как будто бы он говорил об удачной торговле на рынке, после которой они по дороге домой зайдут в трактир.

– Право? В самом деле?

– Клянусь тебе честью, Симон! И тогда... два или три денька мы покутим там... – сказал ему потихоньку и таинственно Бенуа, прикрыв рот левой рукой.

– Понимаю, капитан, понимаю! Мы покутим, позабавимся, я промотаю мое жалованье в два дня! Боже мой, мамзели, вино, кареты, апельсины, перчатки, шляпы, часы! Черт возьми, подавай мне все!

– Точно так! – повторил полупьяный Бенуа и постучал по столу стаканом. – Точно так, мы погуляем! Славно погуляем! Какая прекрасная погода! Ах! Уф! Но сохрани боже, если моя жена узнает об этом! Она не должна никогда знать этого...

– Разумеется, капитан, разумеется! За её здоровье... Мы зайдем в Кадис, не правда ли? Ах, капитан! Послушайте, капитан, мне кажется, будто я вас уже вижу там на городской площади... Черт возьми! Вот там женщины! Такие женщины! Можно сказать, что прелесть! Какие глаза! Какие зубы... Какие плечи... Право, нужно спешить наслаждаться жизнью, потому что смерть не за горами.

– Правда твоя, Симон, рано или поздно, а все-таки придется умереть... а потому нужно...

В эту минуту капитан был прерван ужасным шумом, и корабль вдруг так качнуло набок, что концы парусов окунулись в воду.

Бенуа и Симон, вовсе не ожидавшие этого ужасного толчка, полетели кверху ногами.

– Это буря! – воскликнул Бенуа, совершенно протрезвившийся, и бросился на палубу.

– Ну, кажется, будет потеха! – сказал Симон, следуя за капитаном.

Глава II

Буря

Матросы высыпали на палубу, печальные и безмолвные, ибо сама гибельная минута еще не настала, но ее ожидали, и это ожидание близкой и неминуемой опасности омрачало их лица.

Корабль гордо поднялся, хотя потерял одну из своих верхних мачт, сломенную порывом ветра. Волны начали вздыматься, небо закрылось густыми красноватыми парами, как будто бы пожарным дымом, который, отражаясь в воде, покрыл мрачным сероватым цветом доселе столь светлую и синюю поверхность океана.

– Вот образчик той потехи, которую обещает нам буря, и она сдержит свое слово, – сказал Бенуа, большой знаток в подобных обстоятельствах; а потому, едва лишь успели спустить верхние мачты, как раздался глухой рев, и широкая полоса мрачных черных облаков, как будто бы соединявшая море с небом, быстро понеслась от северо-запада, гоня перед собой гряды кипящей пены, ужасный признак ярости волн, стремившихся вместе с бурей.

Бенуа и Симон пожали друг другу руки и обменялись выразительными взглядами. Лица их, доселе столь же безмятежные, как и легкий ветерок, совсем недавно игравший в снастях

корабля, вдруг оживились. Эти люди, простые и робкие в хорошую погоду, вдруг возвысились духом вместе с бурей и неустрашимо встречали ее. Глуповатое выражение лица шкипера исчезло; в глазах его, доселе бессмысленных и мутных, появился блеск. Шкипер с презрением смотрел на бурное небо. Бесстрашная улыбка удивительно преобразила его лицо.

Ибо в эти решительные минуты, когда дело идет о жизни или смерти, все мелкие подробности условной красоты исчезают, и одна только душа отражается на лице. И если в минуту опасности душа пробуждается неустрашимой и бодрой, то она всегда придает высокое и смелое выражение лицу человека, осмеливающегося бороться с яростью стихии.

– Товарищи! Не бойтесь! – воскликнул шкипер, потому что буря ревела уже сильнее грома. – Это все пустяки! Только вода и ветер! Спускайте скорее остальную верхнюю мачту. А ты, Симон, ступай к носу, попробуем идти под большим парусом. Постарайся поднять его... Рулевой, держи крепче руль, правьте им двое, трое, если нужно, ибо мне кажется, что ветер порядочно будет коверкать корабль... Не нужно поддаваться ему, товарищи! Это будет худой пример!

Едва успел Бенуа кончить эти слова, как буря налетела и нагрянула на корабль. «Катерина» завертелась, закачалась на ужасных волнах и даже на время исчезла посреди дождя пенных брызг, вздымаемого бурей, свистящего в снастях, между тем как бока корабля скрипели и трещали, как будто бы по ним колотили молотом. Несчастный корабль, то обливаемый огромными волнами, то поднимаемый вверх, то бросаемый в бездонную пропасть, казалось, был готов потонуть каждую минуту.

– Держитесь крепче за снасти, товарищи! – кричал Бенуа. – Не бойтесь! Это пустяки! Оно просвежит нас! Теперь жарко! Да, кстати, и вымоет наш корабль... Держи крепче руль! Держи, не то...

Он не успел договорить, ибо ужасная водяная гора, возвышавшаяся до верхних мачт, набежала на корабль, обрушилась на палубу и, покрыв ее обломками, унесла с собой двух матросов. Это были двое молодых людей, только что женившиеся на двух сестрах, нантских девушках, прелестных, краснощеких. Молодые люди очень любили друг друга. Тот из них, который бросился в воду, чтобы спасти другого, женился единственно из подражания ему. Оба матроса вместе работали, вместе гуляли. Таким образом, они вместе жили и вместе умерли. Симон, крепко державшийся за снасти, как скоро прошла волна, гордо выпрямился и смотрел по-прежнему неустрашимо, облитый и промоченный насквозь водой.

Один из матросов, которого волна сшибла с ног и сильно ударила о палубу, сломал руку и громко кричал от ужасной боли.

– Перестанешь ли ты орать во всю глотку, рева? – прикрикнул на него Симон. – Здесь и без тебя довольно шума! Закрой рот, а то проглотишь волну!

Крик усиливался.

– Впрочем, реви себе, если хочешь, – сказал Симон, – видно, это забавляет тебя.

Тем временем Бенуа подошел к рулевому.

– А ты, добрый мой Кайо, – сказал капитан, – правь хорошенько, держи по ветру!

– О, капитан, – отвечал сей последний, обтирая пот, – доколе корабль будет слушаться руля, то не бойтесь, хотя, правду сказать, нас валяет и покачивает, точно как в нантском городском саду на качелях... только что успевай приседать!

– Берегись, капитан! Берегись! – воскликнул Симон, увидевший огромный вал, с ужасным шумом катившийся к кораблю.

Не прошло и минуты, как под напором ветра он с треском обрушился на корму, и корабль скрылся совершенно под этой огромной массой воды.

Потрясение, произведенное этой волной, было так ужасно, что руль круто, повернувшись направо, опрокинул на палубу трех матросов, правивших им, а от этого несчастного приключения корабль также повернуло боком, большой парус заполоскал и завертелся.

Бенуа вынырнул тогда из-под волны, которая сбегала с палубы, держа, прижав к груди, портрет жены своей, пойманный им посреди обломков разрушенной каюты.

– Нет, я не дам пропасть моей «Катерине», – говорил он, – ибо моя бедная супруга...

Он не договорил, увидев ужасное положение корабля.

– Мы погибли! – воскликнул шкипер и мигом бросился к рулю, чтобы повернуть корабль и спуститься под ветер.

Но он опоздал, не было уже никакой возможности сделать это.

Большая мачта недолго противилась ветру, вскоре она согнулась и сломалась с ужасным треском, оборвав снасти свои с подветренной стороны, и повалилась на правую сторону палубы, а оттуда в море, таща за собой остальные снасти, все еще прикрепленные к кораблю. Положение было ужасно, потому что мачта,двигаемая яростными волнами, ударялась в корабль концом своим и, поражая бока его, угрожала проломить его и потопить; оставалось единственное средство к спасению: обрубить веревки, прикреплявшие это бревно к кораблю.

– Ну теперь нечего мешкать, хоть и опасно, но дело идет о нашей жизни, – сказал Бенуа, привязывая себя к концу веревки, и в один прыжок вскочил на борт корабля, держа топор в руках. – Катя и Томас, – сказал добрый шкипер, занося ногу за борт, – это для вас... – И бросился в воду...

Но сильная рука схватила в эту минуту веревку, к которой привязал себя Бенуа, и достойный шкипер повис в воздухе, а потом был вытащен обратно на палубу своим другом Симоном.

– Что ты делаешь, бездельник! – воскликнул Бенуа. – Разве ты хочешь потопить корабль? – И он замахнулся топором на Симона, который отвернулся в сторону.

– Черт возьми! Как вы горячи, капитан! Я только хотел сказать вам, что здесь не ваше место... Воспоминание о Катерине и Томасе будет мешать вам в этой работе и затуманит глаза... – И он спрыгнул на борт.

– Симон! Добрый мой Симон! – кричал Бенуа, схватив его за ногу. – Постой! Поклянись мне, что...

– Пустите меня, черт возьми! Слышите? Три тысячи миллионов чертей!

– Я не так хотел заставить тебя поклясться, но делать нечего, по крайней мере, привяжи себя к веревке... ради бога, привяжи себя!

Симон не слушал его более. Он уже бросился в воду, чтобы добраться до мачты, влез на нее и обрубил снасти.

Ветер начинал утихать, но волнение все еще было сильно.

– Бедный Симон! Он погиб! – сказал Бенуа, видя, как помощник его старался удержаться верхом на этом круглом бревне, которое вертелось при каждой волне и било в бока корабля.

Положение Симона было чрезвычайно опасно, потому что он ежеминутно мог быть раздавлен об бока корабля.

– Еще разок стукни топором, Симон, – кричал ему Бенуа, – и мы спасены! Ах, боже мой! Симон! Симон! Берегись волны! Бросайся скорее в воду... ты погибнешь... Симон! Ах! – И капитан испустил ужасный вопль, закрыв лицо руками.

Симону раздавило голову между мачтой и кораблем, но зато благодаря его хладнокровной неустрашимости судно было спасено из весьма критического положения.

Буря утихла мало-помалу, подобно всем бурям африканских морей, которые столь же внезапно исчезают, как и появляются. Ветер установился и погнал тучи на юг.

Погоревав несколько минут, Бенуа велел очистить палубу от обломков и обрывков снастей, ее покрывающих, потом поднять задний парус, или бизань, и, пользуясь легким попутным ветерком, поплыл на юго-восток.

Разумеется, величественное выражение лица господина Бенуа исчезло вместе с бурей и опасностью. Как скоро ветер установился и корабль поплыл в путь, то он сделался по-прежнему

простым, грубым, глупым, но честным человеком, занимающимся торговлей неграми с такой добросовестностью и прямодушием, какие только можно употреблять в коммерческих делах, и думающим, что продавать негров, рогатый скот и колониальные товары есть все одно и то же и что в этом нет ничего худого. Он помышлял единственно о скоплении денег и доставлении себе независимого состояния, чтобы спокойно отдохнуть под старость в кругу своего семейства. Достойный отец! Он не спал всю ночь и даже думал более о Симоне, чем о своей милой Катерине, Симон служил у него так давно! Симон знал все его привычки, был совершенно предан ему; с таким усердием занимался мелочными подробностями при нагрузке корабля неграми и показывал при этом случае терпение и человеколюбие, восхищавшее капитана. Негры никогда не имели недостатка в пище, и, за исключением изъяна, которого никак нельзя было избежать, корабль всегда приходил благополучно с грузом своим в колонии благодаря этим родительским попечениям. Симон был для него все. На родине, в городе Нанте, он водил прогуливаться маленького Томаса, сына его, или провожал на рынок с корзинкой в руках госпожу Бенуа. Одним словом, Симон был для капитана неоценимым существом, верным и искренним другом.

А потому в ожидании утра господин Бенуа неоднократно утирал платком слезы, катившиеся из глаз.

Он был еще погружен в эти горестные размышления, как вдруг караульный матрос закричал с верха мачты:

– Берег! Впереди!

– Уже? – сказал Бенуа, выходя на палубу. – Я не полагал, что мы так близко находимся к берегу. К счастью, он мне знаком. Рулевой! Смотри, правь на эту гору, на которой ты видишь несколько пальмовых деревьев, до тех пор, пока мы не придем к устью Красной реки. Ну, насили мы прибыли! – сказал капитан. – И если только дядя Ван Гоп доставит мне возможность починить корабль и поставить новую мачту... Я не говорю уже о неграх, это самый искусный торговец и маклер по этой части на всем африканском берегу. Этому плуту известны все теплые местечки! Но проклятый, верно, обдерет меня... Ах, если бы мой бедный Симон был по крайней мере здесь со мной! Но нет, этому никогда более не бывать! Никогда! Боже мой! Какая тоска!

И добрый шкипер омочил слезами свой третий носовой платок, помеченный его милой Катериной буквами *К. и Б.*

Глава III Торговец неграми

Торговля! Ах, милостивый государь! Торговля – это узы, соединяющие народы, братский союз великого семейства, рода человеческого! Провидение бедного, спокойствие богатого! Ах, милостивый государь, торговля!

Восходящее солнце озарило яркими лучами своими поверхность океана как бы для утешения ее за бурю прошедшей ночи, и глухой шум волн, вздымаемых еще слабеющим ветром, был похож на последнее ворчание сердитой собаки, которая перестает лаять при появлении своего хозяина.

Корабль «Катерина» вошел в Рыбью реку, находящуюся на южном конце западного берега Африки, и, влекомый своей шлюпкой, начал подниматься вверх по течению в небольшой залив.

Река эта тихо текла посреди величественного леса, и зеркальная поверхность вод ее отражала в себе лазурное небо, деревья, покрытые множеством птиц и плодами всех цветов. Тут

росла мимоза с тонкими и зубчатыми листьями, там черное дерево со своими красивыми желтыми цветами.

Когда корабль достиг места, у которого должно было ему встать на якорь, то маленькая лодочка отделилась от него и поплыла вверх по реке, направляясь на запад. Скоро она подошла к той части берега, которая казалась несколько очищенной от леса.

– Навались! Навались, братцы! – воскликнул Бенуа, став на заднюю лавку лодки, которая в это время причаливала. – Брось якорь тут, Кайо, – сказал он потом своему помощнику. – Если я не вернусь через час, то отправляйся на корабль и приезжай за мной завтра утром.

Потом господин Бенуа сошел по сходням на берег и пошел по тропинке, извилины которой были, по-видимому, чрезвычайно знакомы ему.

«Лишь бы только, – думал этот достойный человек, обмахиваясь своей широкополой соломенной шляпой, – этот проклятый Ван Гоп был дома... Однако же ему известно время, в которое я обыкновенно прибываю сюда... двумя неделями ранее или позже. Право, чудак этот Ван Гоп, он живет здесь в лесу, как будто у себя в городе. Он нисколько не переменял своих привычек, это так бывало заставляло смеяться бедного Симона... Ах, вечная ему память!»

В это время раздался лай собаки.

– А, – сказал Бенуа, – я узнаю голос Трезора, хозяин, верно, дома.

Лай собаки все более и более приближался, и наконец послышался громкий пронзительный голос, который говорил с досадой:

– Сюда, Трезор, неужели ты принял человека за льва?

Тропинка, по которой шел в это время Бенуа, образовала тут весьма крутой поворот, а потому он вдруг увидел перед собой дом, построенный из красноватого камня и покрытый кирпичом. Толстые железные решетки предохраняли окна, а высокий палисад, которым было обнесено это жилище, защищал вход в него.

– А, здравствуйте! Здравствуйте, дядя Ван Гоп! – воскликнул Бенуа, дружески протягивая руку хозяину дома.

Но сей последний не только не отвечал ему, но с досадой попятился назад, как бы для того, чтобы загородить вход.

Представьте себе малорослого человека, сухощавого, тонкого, одним словом, похожего на хорька, но опрятного, чисто и старательно одетого. Когда он снял свою шляпу, лоснившуюся от ветхости, то на голове его замечен был белокурый парик, старательно завитый. На нем был долгополый серый сюртук, коричневый жилет с металлическими пуговицами, плисовые панталоны и гусарские сапоги. Весьма чистое белье и множество часовых печаток довершали его наряд.

Он стоял в воротах своего дома спокойно и без всякого опасения, уверенно, держа в руке отличное английское двустольное ружье, которым он играл, взводя курок и щелкая замком. Потом он свистнул свою собаку, остановившуюся против Бенуа.

– Как? – сказал сей последний. – Как, дядя Ван Гоп, неужели вы не узнаете меня? Это я, Бенуа! Друг ваш Бенуа! Эх, черт возьми, разве вы ослепли? Наденьте свои очки.

Что и действительно сделал благоразумный старик, после чего он воскликнул по-французски с заметным голландским произношением:

– А, это вы, кум Бенуа? Вы не опоздали, вас нельзя упрекнуть в этом, и я очень рад увидеть вас. Но по какому случаю?

– Ну, по случаю... По случаю северо-западной бури, которая лишила меня большой мачты и пригнала к вам так скоро, как будто бы сам черт дул в мои паруса.

– Очень сожалею, любезнейший капитан! Но не жарьтесь понапрасну на солнце, прошу вас, пожалуйста в дом ко мне. Войдите и перехватите чего-нибудь, например, жареной слоновой ноги, котлетку из мяса жирафа... Эй, вы! Жан! Штроп! Вставайте скорее, ленивцы, собирайте нам на стол.

Два мулата, спавшие во дворе на рогоже, нехотя поднялись и поплелись исполнять приказание своего господина. После нескольких церемоний, например: «Извольте идти вперед. – Нет, вы! – Сделайте милость. – Я здесь хозяин, вы гость, прошу вас!» и прочих, Ван Гоп и Бенуа вошли в весьма опрятный и по-европейски убранный дом.

Два старых друга уселись за стол красного дерева, старательно натертый лаком и уставленный кушаньями и напитками, и начали разговаривать между собой.

– Итак, вы говорите, капитан Бенуа, что ваша большая мачта...

– Я ее лишился, дядя Ван Гоп, лишился. Но потеря, которая для меня чувствительнее разрушения всех моих мачт, есть потеря бедного моего Симона, которого вы знаете...

– Итак, этот человек, которого вы называете бедным Симоном?

– Погиб в море... Но погиб как храбрый моряк, спасая корабль! Ах!

Тут дядя Ван Гоп испустил некоторого рода глухое и невнятное восклицание, которое можно было выразить так: «Гм!» – но изображало совершенное равнодушие. Он обыкновенно употреблял его, слушая рассказ или вопрос недостойный, по его мнению, ни внимания, ни ответа.

– Гм! – сказал Ван Гоп. – За недостатком одного человека корабль не останавливается в пути, но за неимением большой мачты может произойти большая остановка. А потому, не имея возможности заменить вам вашего Симона, я могу, по крайней мере, доставить вам хорошую новую мачту... Посмотрим-ка... – И он вынул из шкафа толстую прошнурованную книгу, которую перелистывал долгое время и потом, положив свой худощавый палец на одну из страниц, продолжал: – Да, я хочу услужить вам, любезный капитан, у меня есть нижняя мачта одного разбившегося английского корабля, которую выбросило ко мне на берег. Она хранится у меня в магазине... Ну, положим за нее тысячу франков! Гм! Не правда ли?

– Черт возьми! Тысяча франков за бревно!

– Гм! – отвечал Ван Гоп. – Что делать, где же взять ее в другом месте?

– Правда. Ну так и быть, по рукам. Но послушайте, дядя Ван Гоп, починив свой корабль, мне нужно подумать и о грузе!

При этих словах маленькие серые глаза старика заблестели от удовольствия. Он поспешил взять другую прошнурованную книгу с надписью: «Дела по торгу неграми № 2» и, просмотрев ее с минуту, сказал, улыбаясь:

– У меня есть то, что вам нужно, капитан, но я не хотел сказывать вам этого, не справившись наперед с книгой, ибо я уже обещал такой груз господину Драку, одному английскому капитану, который прибудет ко мне недели через две, а я хочу свято исполнять мои условия со всеми... Знаете ли вы господина Драка, капитан?

– Нет.

– Это славный малый. Правда, он рыжий и косой, но, несмотря на это, прекраснейший человек и не любит много спорить. Он богат и занимается торговлей неграми так, по охоте... Потому что нужно же чем-нибудь заниматься...

– Нужно сперва заплатить долг своему отечеству, – прибавил Бенуа, – но возвратимся к нашему грузу.

– Итак, достойный капитан, груз этот – самая лучшая и самая благоприятная для вас оказия на свете. Вот уже три месяца, как большие и малые намаки ведут между собой непрерывную войну, и король больших намаков – мой сосед, которому я говорил о вас и который очень желает покороче познакомиться с вами, капитан, – сказал Ван Гоп и, привстав, поклонился Бенуа.

– Покорнейше благодарю вас, – отвечал ему Бенуа, отдавая поклон.

– Итак, у вождя Тароо имеется отличная партия негров из племени малых Намаков с берегов Красной реки, которых он уступит вам по самой сходной цене. Это все молодые негры... Однако не так чтобы уж слишком молодые... Ну, от двадцати до тридцати лет. Если бы

вы видели, какой это широкоплечий и здоровый народ! К тому же эти негры хорошо откормлены, что редко случается, а какие смиренные! Боже мой! Боятся простой плети! Настоящие бараны! Одним словом, это будет для вас золотая сделка! Что, годится вам, не правда ли?

– А небось верно, мне придется еще заплатить вам и за комиссию, как в прошлый раз?

– Гм, разумеется, – отвечал торговец, – без этого нельзя. Ожидая вас ежеминутно, я ездил в деревню царя Тароо и уговорил его для общей нашей пользы побережь пленников и обходиться с ними как можно лучше. Я посещал их и осматривал недавно. Они славно поправились и потолстели. Я советовал царю Тароо кормить их кашей из тыквы, это очень здорово освежает и придает глянец коже.

– Посадить негров на тыквенную кашу точно не худо, дядя Ван Гоп. Но, по моему мнению, лучше кормить их фигами, а поить чистой водой. Также недурно бы сводить их в баню, чтобы они попотели порядком – это очищает от излишнего жира. Вы знаете, что слишком толстые негры худо идут с рук.

– Может быть, капитан, может быть, каждый стрижет свою собаку как знает... – отвечал Ван Гоп с заметной досадой.

– О, дядя Ван Гоп! Не думайте, чтобы я осуждал ваше мнение. Напротив, я признаюсь, что вы знаете толк в этом, и очень знаете. Вы большой плут.

– Гм! Что делать, капитан! Английский губернатор мыса Доброй Надежды выгнал меня из города за пустяки. Осужденный удалиться от него на расстояние пятьдесят миль, я поселился в этом жилище, которое купил у одного колониста, боявшегося жить в соседстве со здешними дикарями. А я, напротив, посредством нескольких подарков совершенно подружился с соседними ордами. У них нет причин делать мне зло, потому что я помогаю им сбывать их пленников и делаю добро всем этим дикарям. Прежде они пожирали своих пленников, как дикие звери, и намаки Красной реки до сих пор продолжают выкидывать эти штуки, не имея никаких источников для сбыта.

«Хорошо, – подумал Бенуа. – Мне очень хочется побывать в этих местах. Это обетованная земля, и я достану там негров почти даром».

Потом он продолжал громко:

– Как, они едят друг друга? Неужели? Брр, это ужасно!

– Точно так! Зато и большие намаки дерутся на войне как отчаянные и скорее решатся убить себя, нежели отдаться в плен.

– Однако будем надеяться, что малые намаки также наконец просветятся, – справедливо заметил Бенуа, – и будут продавать своих пленников.

– Разумеется! По крайней мере, это выгодно для кого-нибудь.

– Это-то самое и я стараюсь всячески растолковать им. Ведь европейцы не покупали бы их, если бы они добровольно не продавали себя. Не правда ли?

– Послушайте-ка, капитан, право, ваши европейцы поступают иногда не лучше негров. Но бросим это... А какой товар привезли вы мне в обмен?

– Обыкновенный, железный лом и мелочь: стеклянные бусы, порох, ружья, свинец, железо в полосах и водку.

– Очень хорошо, друг мой. Итак, сперва мы займемся починкой вашего корабля, между тем я съезжу к царю Тароо и скажу ему, чтобы он пригнал сюда своих черных людей. Не правда ли, вы у меня останетесь ужинать и ночевать? Завтра рано утром вы отправитесь на свой корабль, а я поеду в крааль. Дело кончено... вы знаете, что я не люблю проволоочки.

Двое негоциантов долго еще разговаривали между собой, плотно поужинали, порядком выпили и полупьяные легли спать.

Глава IV

Купля и продажа

– Клянусь Богом, кум, что бык и корова мне самому стоили пятьдесят талеров.
– Бери сорок.
– Нет пятьдесят.
– Сорок.
– Никак нельзя... пятьдесят.
– Сорок пять...
– Ну послушай, давай сорок восемь, да литки твои... Пойдем в трактир да разопьем бутылку вина.

– Ну так и быть, по рукам, давай с полы!

Через два дня после свидания капитана Бенуа с почтенным Ван Гопом корабль «Катерина», совершенно уже исправленный, качался на тихих водах Рыбьей реки.

Было около полудня, и шкипер, легко одетый, занимался приведением в порядок своей каюты, поглядывая на портрет Катерины и Томаса.

К несчастью, караульный матрос отвлек его от этих трогательных и скромных домашних занятий, объявив, что к кораблю подошла лодка.

Это был один из служителей Ван Гопа, который, поклонившись Бенуа, сказал ему:

– Хозяин дожидается вас, капитан.

– А, наконец... Насилу-то возвратился этот старый черт! А я уж и надежду потерял увидеть его.

– Капитан, он только что приехал из деревни вместе со множеством негров и царем Тароо, сопровождающим их. Дело стало только за вами, капитан, и за товарами.

– Кайо, – сказал шкипер своему помощнику, высокому и здоровому малому, заменившему ему Симона, – вели приготовить шлюпку, посади туда девять человек матросов и нагрузи на нее ящики и тюки, которые ты найдешь под палубой.

– Все готово! – доложил Кайо через полчаса.

– Послушай-ка, товарищ! – сказал капитан. – Я оставляю тебя хозяйничать на корабле без меня. Проветри хорошенько под палубой и приготовь ручные и ножные кандалы. Смотри, чтобы все это было чисто и прилично. Одним словом, чтобы гости наши были бы здесь как дома.

– Не беспокойтесь, капитан. Все будет прилажено, я прикажу почище вымести пол под палубой, чтобы нашим гостям было помягче спать.

– Именно так, друг мой. Помни, что прежде всего нужно быть человеколюбивым. Ибо, как бы то ни было, а ведь негры такие же люди, как и мы, а добрые дела рано или поздно всегда получают свою награду, – прибавил Бенуа с самым искренним убеждением.

Когда товары были погружены на шлюпку и несколько матросов поместились в ней, господин Бенуа спустился с корабля в свою лодочку и, опередив шлюпку, скоро прибыл к жилищу Ван Гопа, который дожидался его у ворот.

– Ну же, капитан, скорее! Мы ожидаем вас.

– Скажите лучше, что я вас дожидался, дядя Ван Гоп. Где вы это пропадали целых два дня?

– Если вы думаете, что с этими чертями легко поладить, то очень ошибаетесь. Они не так глупы, как думают, черт их возьми! Но наконец я уломал царя Тароо! Вы сейчас увидите его и сговоритесь с ним... А товары ваши?

– Их везут сюда на шлюпке. Они сейчас придут сюда, будьте спокойны.

– Хорошо, очень хорошо... Теперь позвольте мне представить вас царю.

– Но позвольте, почтеннейший, мне кажется, что я слишком просто одет для того, чтобы явиться к царю. Я не брился две недели... и притом в куртке...

– Пустяки! Уж не хотите ли вы щеголять перед ним? Ступайте смело, – сказал, усмехнувшись, торговец, толкая Бенуа в двери.

Царь Тароо, величественно рассевшись на столе, к большому неудовольствию Ван Гопа, поджав ноги как портной, курил табак из длинной трубки.

Это был чрезвычайно безобразный негр лет сорока, наряженный самым странным образом в старую треугольную шляпу с медными бляхами и перьями и державший в руке большую трость с серебряным набалдашником. Прочая же одежда его состояла из куска красной кожи, закрывавшей в виде передника нижнюю часть тела. Так как маклер Ван Гоп говорил очень хорошо по-намакски, то и служил им переводчиком. После продолжительного и горячего спора шкипер и король согласились принять посредничество Ван Гопа, которому и поручено было составить письменный договор купли и продажи, или продажный акт. Тогда маклер вынул из шкафа чернильницу, старательно очинил перо, попробовал его несколько раз, поправил и поскоблил и, наконец, к величайшему удовольствию Бенуа, начинавшему уже выходить из терпения, начал писать следующий продажный акт, который медленно и внятно прочитал капитану Бенуа, а потом перевел и объяснил царю Тароо:

– «Продажный акт. Сего тысяча восемьсот... года... месяца... числа. Я, нижеподписавшийся Павел Ван Гоп, по доверенности царя Тароо, начальника и владельца деревни Конти-Опов, племени больших намаков, продал от имени вышеупомянутого царя Тароо господину Бенуа (Клоду Борромею Марциалу), шкиперу и хозяину корабля „Катерина“, нижеследующее.

Тридцать две души негров мужского пола из племени малых намаков, здоровых, крепких и без малейшего изъяна, от двадцати до тридцати лет от роду имеющих (тридцать два негра), девятнадцать душ негров женского пола почти такого же возраста, из коих две беременные, а у одной двухмесячный ребенок, которого продавец великодушно дает покупателю безвозмездно (девятнадцать негритянок) и двенадцать штук негров мальчиков и девочек от девяти- до двенадцатилетнего возраста (двенадцать штук). Итого: тридцать два негра, девятнадцать негритянок, двенадцать ребят...»

Маклер читал эти цифры так же равнодушно, как будто бы это было: «продал кофе тридцать два пуда, девятнадцать фунтов и двенадцать золотников».

– «...которые и отдаются им, Тароо, вышепоименованному господину Бенуа (Клоду Борромею Марциалу) в вечное и потомственное владение за условную цену с уплатой ему, Тароо, нижеследующими товарами...»

Тут шкипер прервал маклера:

– Любезнейший господин Ван Гоп, – сказал Бенуа, – потрудитесь прибавить еще: «И госпоже Катерине-Бригитте Лупо, супруге его, как нераздельно с ним владеющей движимым и недвижимым его имуществом...»

– Право, напрасно, господин Бенуа.

– О нет! Я обязан оказать эту учтивость моей бедной супруге.

– Как вам угодно... извольте.

Царь Тароо заставил Ван Гопа объяснить себе причину этого разговора, но не понял из него ничего и выпил две рюмки рому.

Маклер продолжал:

– «С уплатой ему, Тароо, нижеследующими товарами: ружей французских со штыками двадцать три штуки, пороху лучшего мушкетного английского пять пудов, железа полосового шведского лучшего двадцать пудов, свинца английского лучшего в слитках пятнадцать пудов, стеклянного товара, бус, ожерелий, медных, латунных и проволочных вещиц и украшений и всякого лома шесть ящиков, водки французской лучшей двенадцать анкерков. Данные товары вышеупомянутый шкипер Бенуа и обязывается сдать все вполне на руки мне, Полу Ван Гопу,

поверенному царя Тароо. За издержки же, хлопоты и комиссию вышеупомянутый господин Бенуа обязывается, кроме того, уплатить мне, Ван Гопу, не позже как через сутки, считая с вышеописанного числа, сумму тысяча франков ходячей звонкой монетой, не полагая оную сумму в счет той, которую я уже получил от него за доставление ему мачты и материалов, необходимых для починки корабля. Оных негров продал и деньги и товары получил все сполна. Подпись: такой-то. Оных негров получил всех сполна. Подпись: такой-то. Сей продажный акт составлен в двух экземплярах за собственноручной нашей подписью».

Когда чтение продажного акта было кончено, то царь Тароо качнул головой, махнул рукой в знак согласия и ущипнул за нос супруга Катерины, отвечавшего на эту царскую милость низким поклоном.

– Теперь возьмите-ка перо, капитан, – сказал Ван Гоп, – да подпишите, и дело в шляпе.

– Все это прекрасно, но прежде чем подписать, мне хотелось бы посмотреть ваш товарец.

– Вы правду говорите, капитан, я не люблю обманывать никого... Пожалуйте сюда. Смотрите их, как вам угодно. Нельзя продавать поросят в мешке.

Они вошли тогда в загородку, в которую загнали на это время черных людей.

Мужчины, женщины и дети лежали на земле со связанными сзади руками.

Бенуа начал осматривать негров как искусный знаток.

Он гнул им руки и ноги, чтобы удостовериться в гибкости членов, приказывал открывать рот, осматривал у них зубы, десны и небо.

Открывал глаза, чтобы узнать, не слепы ли они. Глядел, нет ли у них какой-нибудь болезни на ногах, вередов, чирьев, ран, щупал живот и грудь.

Одним словом, этот достойный человек осматривал негров, как барышники и цыгане смотрят лошадей на конной ярмарке, чтобы открыть, нет ли в них какого-нибудь порока.

В продолжение этого долгого и подробного осмотра капитан Бенуа иногда улыбался от удовольствия, даже два раза при виде сильных и здоровых людей он испустил легкий одобрителный свист. Напротив, в другой раз он нахмурился, сделал недовольную гримасу и значительно покачал головой, заметив товар с изъяном.

Однако после некоторых размышлений, вероятно насчет барыша, он сказал Ван Гопу:

– По рукам, кум! Дело кончено! Я беру товар, да и вам не будет худо!

– Гм! Но, капитан, прежде чем уйти, потрудитесь взглянуть вот на этого молодца, которого царь Тароо дал мне за труды на водку. Это один из самых лучших негров на свете. Посмотрите на него, он силен как бык и высок как дуб. Но зато ужасно как упрям, так упрям, что царь Тароо, напрасно колотив его палками, чтобы заставить подняться на ноги и идти, вынужден был велеть принести сюда связанного, как борова... Вот он, смотрите.

И он указал ему на негра, высокого и здорового, лежавшего на земле со связанными руками и ногами.

– Это, я думаю, – продолжал Ван Гоп, – начальник неприятельского племени малых намаков. Он очень упрям, но пусть поживет недельки две на корабле и в колониях, так сделается тих как ягненок.

Царь Тароо, который последовал за ними, напившись порядочно водки, подошел в это время к ним, и так как вид его неприятеля возбудил в нем гнев и ненависть, то он начал жестоко ругать малого намака и грозить ему. Но сей последний переносил все это с удивительным равнодушием, закрыв глаза и отвечая на его ругательства тихим и печальным пением.

Это хладнокровие так раздражило царя Тароо, что он швырнул камнем в несчастного негра. Но так как он не попал в него, то хотел было снова начать, как вдруг Ван Гоп взял его за руку и сказал ему чистым намакским языком:

– Тише, тише, царь, этот пленник теперь принадлежит мне, и вы испортите мой товар! Поосторожнее, пожалуйста!

Тароо продолжал ругаться и грозить и посреди своего дикого рева чаще всего повторял слова «Атар-Гюль».

– Что за чертовщину он горланит? – спросил Бенуа.

– Он называет его по имени, потому что этот негр называется, кажется, Атар-Гюль.

– Право, смешное имя! Первый котенок, который родится от Мими – это любимая кошка моей супруги, дядя Ван Гоп, – будет назван именем... Как бишь его?

– Атар-Гюль!

– Атар-Гюль! Право, странное имя! Ну так что стоит у вас этот Атар-Гюль?

– Только для вас и для супруги вашей и по знакомству. Извольте, уступлю вам его за пятьсот сорок франков.

– Пятьсот сорок франков! А мне какой же тут барыш будет? Боже мой! Пятьсот сорок франков! Пятьсот сорок!

– Ровно четыре франка на франк! Вы продадите его за две тысячи франков на Ямайке... Посмотрите-ка, как он сложен! Какие плечи! Какие руки! Он немного похудел теперь, но это пустяки, он скоро поправится.

– Ну вот вам четыреста франков, дядя Ван Гоп, и по рукам! Право, я и то много даю вам, но между нами будь сказано, мне хочется употребить барыш, который я получу от продажи этого негра, для того чтобы купить моей супруге хорошую кашемировую шаль и новую шляпку с перьями и заказать для моего сына, маленького Томаса, красивую лодочку. Он так любит мореходство!

– Ну так и быть, по рукам! Право, вы делаете со мной все что вам угодно, но вы такой добрый муж, такой добрый отец, что вам нельзя ни в чем отказать. Давайте четыреста франков, вот ваш товар!

Когда торг был заключен и окончен, товары сданы на руки Ван Гопу, ибо царь Тароо, беспрестанно пробуя то водку, то ром, повалился на землю мертвецки пьяный, то, попотчевав негров, Бенуа договорился, чтобы царский конвой присоединился к его восьми матросам и проводил бы купленных им невольников берегом до того места реки, где стоял на якоре корабль «Катерина». Там должна была производиться погрузка.

Что касается Атар-Гюля, хитрого змея, как называл его царь Тароо, то Бенуа велел его перенести связанного на шлюпку и поручил особенному надзору своего помощника Кайо.

Когда все эти маленькие распоряжения были кончены, деньги отсчитаны и товары отданы по принадлежности и проверены, Бенуа и Ван Гопу ничего более не оставалось делать, как разлучиться до нового торга, тем более что шкипер спешил воспользоваться морским отливом и попутным ветром, а потому вследствие мудрой истины, что ветер никого не дожидается, он дружески протянул руку маклеру:

– Ну, прощайте, дядя Ван Гоп! До свиданья!

– Дай бог, чтобы мы поскорее опять с вами увиделись, почтенный капитан.

– Дайте еще вашу руку! Право, приятно иметь с вами дело, дядя Ван Гоп.

– О, добрый капитан! Право, мне жаль расстаться с вами, но подождите, еще два или три годика поживу я на этом берегу, а потом вы отвезете меня с собой в Европу...

– В самом деле? О, вот бы славно было, мы позабавились бы! Но я заболтался, мне давно уже пора на корабль. Прощайте! Прощайте, старый друг мой!

И они крепко обнялись между собой, так что нельзя было без слез и умиления смотреть на них.

– Эх, дядя Ван Гоп, право, вы растрогали меня и заставите плакать... Прощайте! – воскликнул Бенуа, вскочив в свою лодку, которая быстро поплыла вниз по течению реки.

– Прощайте! Еще раз прощайте, почтенный капитан! – кричал Ван Гоп, приветствуя его рукой. – Кланяйтесь от меня госпоже Бенуа! Благополучного пути!

– До свиданья, кум, – отвечал Бенуа, махая со своей стороны соломенной шляпой до тех пор, пока он мог видеть маклера, стоящего на берегу.

Через два часа после этого все негры были посажены на корабль и надлежащим образом расположены под палубой: мужчины с правой, а женщины с левой стороны. Что же касается ребят, то их оставили бегать на свободе.

Атар-Гюль был закован отдельно.

Бесполезно было бы рассказывать, что в продолжение всех этих действий черные люди позволяли брать себя, вести, поднимать и заковывать в железо с бессмысленным равнодушием, думая, что их готовят на съедение. Они, по обыкновению своему, употребляли все свое мужество, для того чтобы казаться равнодушными.

Прежде чем сняться с якоря, господин Бенуа приказал раздать неграм порцию трески, сухарей и немного рома пополам с водой.

Но почти никто из них не ел, что вовсе не удивляло достойного капитана, ибо он знал, что негры обыкновенно в первые пять или шесть дней пребывания своего на корабле почти ничего не едят, и в это время наиболее нужно опасаться убыли и изъяну в товаре. По прошествии же этого времени, за исключением некоторых неприятных последствий от жары и сырости, потери бывают очень незначительны.

Наконец он поднял паруса и отправился в путь с попутным северо-восточным ветром в три часа пополудни, а в шесть часов, при заходе солнца, берега Африки едва виднелись уже вдалеке туманной и узкой полосой.

Глава V

Неизвестный корабль

Спи, спи себе спокойно, почтенный капитан, потягивай свои утомленные члены на тонкой и белой простыне, сшитой для тебя Катериной твоей. Видишь ли ты ее, сидящую у трескучего огонька камина в длинные зимние вечера? По временам она оставляет работу, чтобы взглянуть на твой портрет, играя густыми и жесткими кудрями сына твоего, маленького Томаса. Между тем как кот Базиль, важно и молчаливо сидя подле нее, облизывает и обглаживает свою шелковистую и пеструю шерсть.

Эта добродетельная супруга, верно, рассчитывает в это время продолжительность твоего путешествия и срок возвращения. Зато и ты как любишь ее. Для нее ты презираешь бесчисленные опасности, для нее, капитан Бенуа, ты жертвуешь телом и душой, занимаясь своим проклятым ремеслом, слынешь разбойником, подлым продавцом человеческого мяса! Ты, столь простодушный, столь чистосердечный! Правда и то, что тебе придется отдать за это страшный отчет Богу, но как бы то ни было, а ты все-таки доставишь своей Катерине спокойную и беспечную жизнь.

Как не желать ей возвращения такого нежного мужа?

Однако я не могу сказать вам наверняка, точно ли Катерина желает этого вожаемого возвращения или опасается его? Может быть, вот он лучше знает про это. Этот молодой здоровый купеческий приказчик, приезжающий в город Нант по самонужнейшей, экстренной хозяйской надобности, как нарочно, всегда в отсутствие господина Бенуа, небрежно развалившийся в единственном кресле господина Бенуа. Одетый в халат и ермолку господина Бенуа, курящий из любимой трубки господина Бенуа лучший табак господина Бенуа. Между тем как Томас и кот Базиль посматривают на гостя с боязливым и недовольным видом.

Ах, послушайте, что мне пришло в голову! Ну что если, между тем как достойный капитан торгует с дядей Ван Гопом, продает черту душу свою, борется с бурями и волнами океана, Катерина его любезничает с приказчиком...

О нет, нет! Зачем думать об этом! Спи, почтенный шкипер Бенуа. Спи! Под баюканье ветров и качание валов морских мечтай, мечтай о счастье и верности своей дражайшей супруги! Потому что счастливый сон есть самое положительное счастье нашей жизни. Спи! Попутный ветер дует и несет быстро по океану эту другую «Катерину», обшитую медью. Спи спокойно, капитан! Верный помощник твой Кайо бодрствует за тебя и за всех. С некоторого времени он постоянно смотрит на юго-восток в подозрную трубу и что-то наблюдает по этому направлению с неутолимимым любопытством.

«Я бы отдавал охотно свою винную порцию в продолжение целой недели, – говорил сам себе Кайо, – чтобы солнце поскорее взошло! А то ничего нельзя разобрать в этом проклятом тумане! А, вот наконец оно показалось! Уф, какое красное! Ну вот, теперь я очень хорошо вижу его! Это небольшой корабль, идущий на расстоянии не более одной мили от нас... Ах, черт возьми! Да я никогда еще не видел такой дьявольской оснастки! Какие огромные и высокие паруса... как завалены назад мачты!»

При исчислении этих странных достоинств неизвестного корабля лицо Кайо принимало мало-помалу выражение удивления, смешанного с ужасом.

«Но, – продолжал он, наводя снова на горизонт подозрную трубу свою, – мне кажется, что он идет вслед за нами... Можно подумать даже, что он догоняет нас. Во всяком случае, нужно уведомить капитана».

И Кайо в один прыжок очутился у дверей каюты и, постучав довольно долго, разбудил наконец шкипера. Дверь каюты медленно отворилась, и господин Бенуа вышел на палубу, удивленный, растрепанный, с заспанными глазами, потягиваясь, зевая и покрывая после долгого и крепкого сна.

– О! Брр! А, ветерок поддувает! Брр! Все благополучно, а! Проклятый Кайо, – сказал капитан, – я так славно заснул! Зачем ты разбудил меня?

– Капитан! Я опасюсь вот этого корабля, который как будто идет в погоню за нами!

– Дай-ка трубу! Ах, боже мой! Да это, кажется, то самое судно, которое, помнишь ты, покойник Симон – царство ему небесное! – заметил однажды. Ну что ж тут за беда, что оно идет по одной дороге с нами?

– Оно бы, кажется, точно не беда, однако... Мой совет, капитан, спуститься по ветру немного налево, потом повернуть направо круто, и если неизвестный корабль и тогда будет следовать за нами и подражать нашим движениям, то мы убедимся, что он идет в погоню за нами. Как вам кажется?

– Да зачем ему гнаться за нами? Это не военный корабль, преследующий торговцев неграми! Посмотри, какая беспорядочная оснастка! Если это морской разбойник, то он должен заметить по направлению, по которому мы идем, что с нас нечего взять.

– Но, капитан, посмотрите-ка, он догоняет нас! Как скоро он идет! А, вот на нем подняли верхние паруса... и все прямо на нас! Глядите-ка... – сказал Кайо, указывая пальцем.

– Послушай-ка, друг мой, вели повернуть корабль немного налево, по ветру, потом мы завернем направо, и если это судно будет все еще следовать за нами, то мы спросим у него, что он от нас хочет! Не правда ли, это будет лучше и короче?

Вследствие этого решения «Катерина» пошла лавировать по морю – поворачивать направо и налево. Проклятый неизвестный корабль продолжал все следовать за ней и также лавировал и поворачивал направо и налево.

Тогда капитан Бенуа, не сомневаясь больше, что неизвестное судно догоняет его, перестал храбриться. Во-первых, потому, что у него не было пушек на корабле. А в подозрную трубу свою он заметил, что догоняющее судно имело пушки, и притом очень много.

К тому лета и опытность научили его быть осторожным. А потому он просто велел Кайо поднять и распустить все паруса и бросился по ветру, чтобы спастись поспешным бегством от этого дьявольского судна.

«Катерина» неслась на всех парусах по океану, как рыба, но погоня летела за ней, как птица, даже не поднимая всех парусов, и оставляла всегда некоторое расстояние между собой и купеческим кораблем.

– Что за дьяволыщина! – сказал Бенуа, видя ужасное превосходство догоняющего судна перед своим и не понимая его поступков. – Если оно идет скорее меня, то для чего не пользуется этой выгодой и не скажет мне тотчас, чего оно хочет, вместо того чтобы играть с «Катериной», как кошка с мышкой.

Бедняга не думал, что говорит сущую правду.

– Капитан! Капитан! Смотрите, вот оно и заговорило! – воскликнул Кайо, увидев огонь, сверкнувший с борта догоняющего судна. – Берегись!

Пушечный выстрел загремел и раздался по неизмеримому пространству океана, и ядро засвистело в снастях над их головами.

– Они стреляют в нас ядрами!

– Да что они, с ума сошли? – воскликнул Бенуа вне себя от гнева. – Что это за черти! И как нарочно нет у меня на корабле ни одной пушчонки! – ревел в бешенстве шкипер, топая ногами и кусая пальцы.

– Но видано ль было когда-нибудь, чтобы торговца неграми атаковал морской разбойник, ибо это верно он...

Вторично сверкнула молния с погони, вторично грянул пушечный выстрел, и ядро ударилось в борт «Катерины».

– Черт возьми! Черт возьми! Проклятый корабль! Он потопит меня, как бочку со свинцом!

– Капитан! – сказал Кайо, бледный и расстроенный подобно всем матросам, которые, услышав пушечные залпы, выбежали в испуге на палубу и толковали об этом между собой с беспокойством, – капитан, может быть, он хочет, чтобы вы остановились?

– Я и сам то же думал. Но это очень обидно для меня. Ну, делать нечего, сворачивайте паруса, заверните руль.

Когда ветер перестал действовать на паруса, то корабль остановился неподвижно на поверхности океана. Пальба с неприятельского судна тотчас же прекратилась, и оно подошло очень близко к «Катерине». В эту минуту громкий голос прокричал в трубу:

– Эй, вы! Слушай! Подавай нам сюда вашего шкипера в лодке!

– Подавай шкипера! – повторил насмешливо Бенуа. – Как бы не так! Поеду я к тебе! Разве он смеется надо мной? Без флага, без сигнала! Настоящий разбойник! Ах! Бедная моя Катя! Если бы ты знала, что в эту минуту...

Возгласы Бенуа были прерваны в это время голосом с неприятельского судна, который повторил:

– Эй, вы! Подавай нам шкипера!

И фитиль закурился над пушкой.

– Черт вас возьми... Слышу! Слышу! Что вы орете так! – воскликнул Бенуа, стараясь избежать этого вопроса и спрашивая в свою очередь: – Эй, на корабле! Откуда вы идете? Зачем вам нужно шкипера? Почему вы не поднимаете свой флаг? Какой вы нации? Я не знаю вас! Я француз! Я иду из города Нант на Ямайку! Я не встречал никакого судна!

Но на эти вопросы и слова никто ему не отвечал. Потом после минутного молчания громкий голос опять прокричал в трубу:

– Эй, вы! Подавай нам шкипера!

Вслед за этим грянул третий пушечный выстрел, однако никого не ранивший.

– Экая собака проклятая! – сказал Бенуа. – Ну, делать нечего, нужно повиноваться! Плетью обуха не перешибешь! О Симон! Бедный мой Симон! Если бы, по крайней мере, ты был здесь со мной! Кайо! Вели спустить лодку на воду, я сяду в нее с четырьмя матросами.

– Капитан, – сказал Кайо, – берегитесь, это, должно быть, морской разбойник!

– Ну да что ему взять с меня? Разве, может быть, ему нужно воды и съестных припасов?

– Может быть... Лодка готова, капитан!

И несчастный Бенуа, полуодетый, без шляпы, без оружия, сошел в нее в ту самую минуту, как проклятый голос опять прокричал в трубу:

– Эй, вы! Подавай нам шкипера!

– Подавай шкипера! Этакie грубияны! Сейчас! Сейчас! Погодите немного! – ворчал с досадой Бенуа.

– Что будет, то будет, – сказал Кайо, – но, во всяком случае, пора кормить негров, они воют как волки! – И он ушел под палубу.

Глава VI

Разбойничий корабль «Гиена»

Чем больше Бенуа приближался к разбойничьему кораблю, тем больше пробуждались в нем подозрение и опасение, в особенности же когда, подплыв к самому борту, он увидел на палубе странно одетых, безобразных людей, которые с любопытством глядели на него.

С сильным биением сердца шкипер «Катерины» заметил два маленьких облачка синеватого дыма, курившихся над пушками и доказывавших неприязненные намерения этого судна.

Наконец Клод Борромей Марциал пристал к борту разбойничьего корабля (это случилось, кажется, в пятницу, в июле месяце 18... года в половине восьмого утра).

В ту самую минуту, как Бенуа хотел взойти на корабль, раздался пронзительный звук свистка. Эта морская учтивость, означающая всегда прибытие важной особы, успокоила несколько нашего доброго капитана.

«Ну, они не так еще грубы, как я думал», – подумал он, влезая на палубу с помощью учтиво брошенных ему веревок.

Наконец он вступил на палубу «Гиены» (разбойничий корабль назывался «Гиена»).

Тут Бенуа был поражен ужасом, взглянув на страшных матросов, его окруживших.

– Господи боже мой! Что это за рожи! Это черти, а не люди!

Хотя и матросы корабля «Катерина» были также не очень смирные и невинные ребята, любившие подчас погулять и покутить порядком, но какая разница с матросами «Гиены»! Что это за люди! Или, лучше сказать, что за дьяволы!

Безобразные, запачканные, оборванные, покрытые дрянными лохмотьями, замаранные порохом, грязью, загорелые, смуглые, покрытые рубцами и синяками, с небритыми бородами, нестриженными волосами. А какие ругательства! Какие ужасные насмешки произносили они! Бедного Бенуа невольно охватила дрожь.

Палуба этого корабля также представляла странный вид.

Снасти и оружие были разбросаны в беспорядке по мокрой и грязной палубе, покрытой во многих местах большими кровавыми пятнами.

Пушки, заряженные и готовые к пальбе, но покрытые грязью и ржавчиной, на лафетах которых видна была запекшаяся кровь и присохшие обрывки каких-то кусков, которые Бенуа с ужасом признал за лоскутья человеческой кожи и мяса!

О, как он тогда начал сожалеть о палубе своего корабля, столь чистой, столь опрятной, о своей маленькой уютной каюте, украшенной красивыми ситцевыми занавесками, о своем прозрачном пологе, о своей койке, в которой он спал так спокойно, о своем стакане с ромом, который он медленно выпивал вместе с бедным Симоном, разговаривая с ним о Катерине и Томасе, о своих веселых надеждах на будущее, о своем скромном честолюбии и о желании окончить жизнь свою спокойно на своей родине, в кругу своего семейства, под тенью деревьев, им самим посаженных.

– Ты чертовски упрямылся повиноваться нашему приказанию, старый тюлень! – сказал ему один из разбойников отвратительной наружности и кривой. Этот злодей был едва прикрыт старыми разорванными панталонами и ветхой красной шерстяной рубахой, подпоясанной веревкой, за которую был заткнут большой нож с деревянной рукояткой.

Тут Бенуа собрался с духом и отвечал ему смело:

– У вас шестнадцать пушек, а у меня нет ни одной. При таких обстоятельствах нечего вам хвастать, что остановили меня!

– Поэтому-то, толстый тюлень мой, и нужно было повиноваться, ибо право сильного всегда бывает право, а ты видишь, довольно ли у нас справедливости! – сказал разбойник, указав на корабельные пушки, стоящие на палубе.

– Одним словом, – продолжал Бенуа с нетерпением, – скажите же мне, зачем вы меня звали? И что вам надобно от меня? Я теряю время по-пустому и упускаю попутный ветер. Долго ли вы будете еще дурачиться надо мной?

– На это может тебе отвечать только один капитан наш, в ожидании же решения своей участи будь спокоен и не ворчи.

– Капитан! А, у вас есть капитан здесь! Хорош он должен быть! – сказал неосторожно Бенуа с презрительной гримасой.

– Замолчишь ли ты, старый боров! А не то я швырну тебя за борт в море!

– Но, черт возьми! – воскликнул несчастный шкипер. – Скажите же мне наконец, чего вы хотите от меня, воды или съестных припасов?

– Воды и съестных припасов! Экой скупой! А рому? Не дашь?

– Давно бы сказал. Эй, ты, Жан-Луи! – закричал Бенуа одному из своих матросов. – Ступай на корабль и привези сюда в лодке...

– Эй, ты, – сказал разбойник, разговаривавший с Бенуа, обращаясь к вышеупомянутому матросу, – эй ты, Жан-Луи, я тебе влеплю сейчас же две пули в лоб, если ты тронешься с места.

– Экие злодеи! Итак, вы не хотите взять от меня ни воды, ни съестных припасов?

– Мы сами съездим за ними на твой корабль, дурак!

– Как бы не так, – сказал Бенуа.

– Ты увидишь, что это будет так, как я говорю, и притом без тебя еще.

Тогда капитан «Катерины», вместо того чтобы отвечать, прищурил один глаз, надул левую щеку и щелкнул по ней пальцем.

Эта гримаса, по-видимому весьма невинная, показалась обидной для разбойника, и он, ударив бедного Бенуа своей широкой и запачканной рукой, повалил его на палубу, говоря:

– Разве ты считаешь Кривого за мальчишку? Эй, вы! Свяжите-ка мне эту скотину покрепче!

Что и было тотчас же исполнено, несмотря на крик и сопротивление Бенуа.

Матросы его лодки были также задержаны Кривым и его достойными сообщниками.

В это время безобразная курчавая голова высунулась из-под палубы и закричала:

– Кривой! Кривой! Капитан спрашивает, что за шум там у вас наверху?

– Скажи ему, что мы хотим уговорить старого черта шкипера с того корабляшки. Не слушается, проклятый!

Безобразная голова исчезла. Потом она опять появилась.

– Эй, вы! – закричал безобразный урод. – Эй! Кривой, капитан приказал, чтобы ему подали в каюту этого господина.

И волей-неволей почтенный Бенуа был спущен в люк под палубу и очутился у дверей начальника и властителя корабля «Гиена».

Тут несчастный услышал голос. Ужасный громовой голос, который ревел:

– Разрубите пополам, как арбуз, этого старого дурака, если он будет еще упрямыться. А! Его принесли! Ну пускай он войдет сюда, посмотрим, что за чучело!

Тогда Клод Марциал Борромей, вспомнив о Катерине и о Томасе, застегнул свою куртку, поправил рукой седые волосы, кашлянул два раза, высморкался и вошел.

Глава VII

Брюлар, атаман морских разбойников

«И точно, он заслуживал быть начальником корабля „Гиена“ и ее ужасных матросов!»

Таковы были первые мысли капитана Бенуа, когда он предстал перед этим знаменитым атаманом.

Представьте себе рослого и широкоплечего мужчину с бледным, посиневшим и покрытым морщинами лицом, густыми черными нависшими бровями и светло-серыми, сверкающими глазами.

Одежда его состояла из старой синей шерстяной рубашки, подпоясанной веревкой. Атаман Брюлар сидел на сундуке перед маленьким столиком, запачканным жиром и вином, на который он оперся локтями, увидев входящего Бенуа.

А потом, устремив на шкипера сверкающие и пронизательные взоры свои и подперев голову руками, он приготовился к разговору с ним.

Но Бенуа первый сказал ему с достоинством:

– Позвольте спросить вас, зачем...

Но Брюлар прервал его своим громким голосом:

– Позвольте спросить, собака? Чем спрашивать меня, лучше отвечай мне. Зачем ты так долго упрямылся остановить свой дрянной баркасишко?

При этих словах лицо господина Бенуа покрылось румянцем справедливого и сильного негодования. Может быть, он равнодушно бы перенес обиду, лично к нему относящуюся, но бесчестить его корабль, его милую «Катерину», называть его красивое судно баркасом. О! Он не мог этого перенести, а потому и возразил с горячностью:

– Мой корабль не баркас, слышите ли вы, грубиян! И если бы у меня не была слишком тяжела одна нижняя мачта, то вы бы никогда не догнали меня...

Тут господин Брюлар захохотал во все горло и продолжал, не переменяя положения:

– Ты заслуживаешь, старый волк, чтобы я велел привязать тебя на веревке к моему кораблю и бросить в море, чтобы ты узнал, как он идет, но я готовлю для тебя нечто получше! Да, дружок, нечто гораздо лучше этого, – сказал Брюлар, заметив удивление Бенуа. – Но теперь еще не наступило время. Скажи-ка мне, откуда ты идешь?

– Я иду от африканского берега, занимаюсь торговлей неграми и, нагрузив ими корабль мой, плыву к острову Ямайка, чтобы продать там черных...

– Я знал все это и прежде лучше тебя и спрашиваю для того, чтобы узнать, не солжешь ли ты...

– Вы знали это?

– Да. Я следовал за тобой с самого острова Гореи...

– Итак, это ваш корабль видел я перед бурей в тумане?

– Кажется, что так, а потому мое почтение, товарищ! – сказал Брюлар, приложив руку к голове, как будто бы к треугольной шляпе. – А! Ты торгуешь неграми! И я также. Как я рад, что мы встретились.

– Я был уверен, что мы сойдемся, – сказал Бенуа, несколько успокоенный этим сходством занятий.

– Но скажи, пожалуйста, где ты взял своих негров, потому что буря разделила нас и я встретил тебя только в эту ночь.

– На берегу, близ устья реки Рыбьей, они были мне проданы начальником крааля больших намаков. Это была партия малых намаков, состоящая из пленных, взятых на войне.

– А! В самом деле!

– Да, боже мой! Я даже думал, если бы груз мой был недостаточен, спуститься до Красной реки, которая находится почти в тридцати милях на юго-восток от Рыбьей реки.

– Для чего?

– Для пополнения моего груза большими намаками, ибо обе стороны взяли пленных. Если большие намаки продают малых, то малые едят больших намаков.

– А, они едят их?

– Да, они едят их да еще и без соли, – продолжал Бенуа, совершенно успокоенный и шутя. – А потому, капитан, вы видите, если они едят их, то, может быть, охотно дешево продали бы их, и я указываю вам это место как теплый уголок.

– О, я беру свой груз негров в другом месте! Это особенная сделка, некоторый род аферы, которая доставляет мне большой барыш.

– А! – сказал Бенуа, выпучив свои маленькие глаза. – Это афера? Могу ли я участвовать в ней?

– Разумеется, земляк, да ты уже участвуешь в ней.

– Уже? – сказал Бенуа, не понимавший ничего.

– Уже! Но скажи мне, пожалуйста, когда ты вышел из Рыбьей реки?

– Вчера вечером... Но эта афера?

– А на сколько миль, думаешь, ты отошел от нее?

– Ну, я думаю, миль на двадцать. А это афера, которую...

– И ты твердо уверен в том, что малые намаки Красной реки взяли также в плен больших намаков?

– Совершенно уверен! Сам начальник их Тароо говорил мне это. Но вы видите, капитан, что я занимаюсь пустяками, одной болтовней, все что я могу сделать для вас, это дать вам шесть бочек воды и два бочонка сухарей. Вы легко можете понять, что, имея на корабле около восьмидесяти штук негров и двадцать человек матросов, это будет для меня большой жертвой. Но поговорим теперь об афере, и я вас уверяю, что кровью своей пожертвую вам!

– Именно так, – сказал Брюлар, улыбаясь странным образом.

– Я не могу дать вам зерна более... – прибавил Бенуа с решительным видом.

– Однако я клянусь тебе всеми головами, которые я разможил! – воскликнул Брюлар, приподняв голову. – Всеми горлами, которые я перерезал! – И он встал с места. – Всеми людьми, которых я убил! – И он подошел к Бенуа. – Всеми кораблями, которые я ограбил! – И он посмотрел пристально в лицо Бенуа. – Ты сделаешь для меня больше, господин торгош большими намаками!

– Неужели ты изменишь мне? – спросил его Бенуа, побледнев как смерть.

– Я тебе изменю?

И Брюлар, сказав эти слова, громко захохотал адским смехом.

– Ах, бездельник! Проклятый разбойник! – воскликнул честный Бенуа, бросившись на него и схватив его за горло.

Но Брюлар, сжав в железном кулаке своем обе руки Бенуа, другой рукой схватил веревку, служившую ему поясом, и в несколько минут Бенуа был скручен и связан, так что не мог нисколько пошевелиться, после чего Брюлар положил его поперек на свой сундук и сказал ему:

– Вот сейчас мы потешимся над тобой, товарищ!

И он поднялся на палубу, сопровождаемый проклятиями, ругательствами, заклинаниями и ревом несчастного Бенуа, который подпрыгивал и бился, лежа на сундуке, как рыба на песке.

Глава VIII

Артур и Мария, или Парижский кутила и его дражайшая супруга

Теперь, любезные читатели, расскажем вам странную историю жизни Брюлара, который был графского рода и происходил от богатого и знатного французского семейства.

Едва достигнув двадцатисемилетнего возраста, Брюлар, или граф Артур Бурмон, как его прежде называли, успел уже опустошить и утомить себя разгульной жизнью. Одаренный от природы необыкновенной физической силой и будучи еще очень молод, он предавался с неистовством всем распутствам и забавам, а потому и промотал большую часть значительного наследства, доставшегося ему от его отца.

По случаю увидел он на балу, на которые он очень редко ездил, одну молодую девушку, прелестную собой, но весьма бедную.

Также по случаю он страстно в нее влюбился. Это была первая истинная любовь его, а известно, что первая любовь распутного человека есть самая бешеная и самая жестокая страсть.

Прелестная девушка отвечала на его неистовую и страстную любовь. Но так как она была столь же благоразумна, как и прекрасна, а тетушка, у которой она жила, в прошлом сама была четыре раза замужем, весьма опытная в этих делах женщина, то ему не позволили ни поцелуя, ни даже пожатия руки до свадьбы.

Граф Бурмон заметил, что Мария (прелестную девушку звали Мария) имела пламенное воображение, восторженные мысли и в особенности сильную склонность к роскошной жизни, которой недоставало только богатства.

А потому, прежде чем подписать свадебный договор, он сказал ей следующие слова:

– Мария! Я имею пороки, недостатки и даже смешные привычки...

Молодая девушка улыбнулась, показав два ряда своих прелестных белых зубов.

– Мария, я человек вспыльчивый, горячий, задорный и был до сих пор столь же несчастен в поединках, как и в любви...

Молодая девушка вздохнула, взглянув на него с трогательным и искренним чувством сожаления. Но надо было видеть, какими глазами она глядела и как вздохи вздымали ее девственную грудь!

– Мария, прежде я был очень богат, очень! Но разгульная жизнь, вино, карты и женщины поглотили большую часть моего имущества.

Молодая девушка равнодушно улыбнулась, пожав своими прелестными полными плечиками.

– Мария, у меня осталось, я думаю, около трехсот пятидесяти тысяч франков. Но вам не более девятнадцати лет от роду, спешите наслаждаться жизнью и ее удовольствиями! Роскошь, забавы, упоительный вихрь нашей огромной столицы для вас еще неизвестны, а следовательно, должны возбудить в вас сильное желание. Для совершенного удовлетворения всем этим потребностям теперешнее состояние мое недостаточно, и притом я имею много пороков. А потому скажите мне откровенно, хотите ли вы выйти за меня замуж?

Молодая девушка закрыла ему рот своей прелестной полненькой ручкой.

Вследствие всего этого граф Бурмон женился на Марии.

Чему друзья его очень смеялись.

Жена его, в девицах холодная и скромная, вдруг с неистовством предалась упоению первой страсти. Молодое и горячее сердце ее согласовалось с пламенной душой и бешеным характером ее мужа.

Я уже сказал выше, что хотя граф промотал большую часть отцовского имения, но у него оставалось еще около трехсот пятидесяти тысяч франков перед его свадьбой, но так как граф обожал свою молодую супругу, прелестную Марию, то и хотел, чтобы она блистала бриллиантами, ступала только по коврам и бархату и никогда не прикасалась бы своими маленькими ножками к тротуарам улиц и дорожкам публичных садов. Одним словом, он одевал ее как принцессу и катал в великолепных экипажах как герцогиню!

Забыв совершенно мудрую пословицу «по одежке протягивай ножки», несчастный кутил напропалую и проматывал остальную часть своего имения.

Однажды после обеда, через четыре месяца после их свадьбы, они сидели вместе на диване и разговаривали между собой:

– Артур, – сказала Мария, – еще месяц такого счастья, и мне можно умереть! Не правда ли, ангел мой, мы испытали всевозможные удовольствия и наслаждения? Мы были слишком счастливы, невозможно, чтобы это продолжалось еще. Предупредим минуту сожаления, которая, может быть, скоро наступит! Хочешь ли ты, мой возлюбленный, умереть теперь со мной вместе? Поставим жаровню с горящими угольями подле нашей постели, обнимемся – и отправимся вместе на тот свет...

И прелестная женщина, подперев голову руками, устремила свои большие черные глаза на бледное лицо своего мужа. Артур вскочил, глаза его сверкали, неимоверное выражение удивления и радости блистало на лице его. Он был погружен в восхитительное блаженство. Эта мысль уже пришла ему самому в голову пять дней назад. И в самом деле, в двадцать восемь лет он вполне уже наслаждался жизнью, как только можно наслаждаться, при крепком здоровье, пламенной душе и огромном богатстве. Страстная любовь, которую он чувствовал к своей жене, казалось, поглотила все прочие его страсти, ибо он обожал ее так, как прежде любил вино, карты и разгульных женщин.

Зато и имение его сделалось так прозрачно, что сквозь него заметна была нищета.

И так как вследствие этой райской и блаженной жизни ему уже невозможно было исполнять все свои желания, то о чем же оставалось сожалеть? А потому Артур ничего ей не отвечал. Бывают такие чувства, которые никакой человеческий язык не в состоянии выразить.

Две крупные слезы покатались по его впалым щекам. Это был последний ответ достойного кутилы!

Но самоотверженность Марии имела столь непонятное влияние на этого пламенного человека, что она снова возбудила в нем деятельность и силы для изыскания средств к продолжению райской жизни хотя бы еще на две недельки. По их истечении имение графа Бурмона было промотано дочи́ста, и у него ровно ничего не осталось! Боже мой! Прости теперь, бедный Артур! Прости, неустрашимый, образцовый кутила парижский!

– Итак, сегодня, друг мой? – спросила Мария, все еще прекрасная, но немного похудевшая от бесконечных удовольствий.

– Сегодня вечером! – с нежностью отвечал промотавшийся кутила.

– Написал ли ты письмо? – спросила она его.

– Будь спокойна, милая и добрая Мария, никого не потревожат из-за нас.

И они отправились, спокойные и веселые, в одну загородную рощу, потому что отбросили мысль удушить себя угаром горячих угольев. Это показалось им слишком просто и обыкновенно. Напротив, с помощью сильного яда, поражающего с быстротой молнии, можно умереть мгновенно под тенью зеленых, цветущих деревьев. Тогда был июль месяц.

– Это не женщина, а ангел, – говорил Артур, видя Марию, с радостью откупоривающую маленькую тонкую хрустальную скляночку, по ее словам, с синильной кислотой, сильнее́шим на свете ядом.

Они легли вместе на траву в уединенном и пустынном месте под высоким дубом посреди густых кустарников. Погода тогда была теплая, небо ясное, солнце склонялось к западу.

– Угадай, мой милый, каким образом мы разделим между собой эту приятную жидкость? – сказала молодая женщина, обняв своими белыми и полными ручками шею своего мужа и поцеловав его в лоб.

– Не знаю, ангел мой, – отвечал Артур беззаботно, целуя Марию.

– Ну так я скажу тебе, – сказала она, бросив на него пламенный и страстный взгляд. – Послушай же, мой милый Артур, мы возьмем оба в зубы эту маленькую хрустальную скляночку с ядом, ты за один конец, а я за другой, потом обнимемся крепко в последний раз и раскусим ее вместе... Понимаешь?

– О, поспешим же, поспешим, милая Мария! – сказал Артур.

Солнце закатилось.

На другой день вечером граф Артур Бурмон пробудился как будто бы от ужасного сна. Язык у него сделался жесткий и сухой, в горле жгло и ужасно ломило голову.

Он лежал на граве на прежнем месте и чувствовал мучительную боль и колики в животе. Тогда он начал валяться по земле, кричать, ломать себе руки, ибо испытывал несносные страдания.

Опомнившись, он начал с беспокойством искать вокруг себя труп Марии.

Но она исчезла.

Терзаемый мучительной болью, он снова начал валяться по земле и кричать так громко, что лесной сторож, проходивший мимо, услышал его, поднял и отнес в свою хижину, где ухаживал за ним как за сыном. Крепкое телосложение графа выдержало это ужасное потрясение, он спасся от отравления и через две недели был уже совершенно вне опасности.

Но куда девалась Мария? Этого он никак не мог узнать.

Однажды добрый сторож принес ему вместе с маленьким счетом издержек, употребленных им на излечение графа, номер парижской газеты. Граф начал читать ее для развлечения, и лицо его приняло вдруг странное выражение:

«Двести франков вознаграждения тому, кто отыщет и приведет к господину N на улицу в дом под №... белую легавую собаку с черными пятнами и медным ошейником, кличка ей Шарло».

Однако же, верно, не это объявление заставляло графа так сильно дрожать, что зубы его стучали.

Посмотрим, что будет далее:

«Некто арестованный Шавар предан уголовному суду и осужден на пятилетнее заключение в тюрьму, клеймение и ссылку на каторжную работу за ужасное преступление, совершенное им. Он дерзнул украсть кочан капусты и белого живого кролика из зеленой лавки, чтобы сварить из них себе похлебку».

Верно, также и не это доказательство человеколюбивого, современного просвещения заставляло так ужасно бледнеть графа.

А, вот оно что!

«Две недели тому назад граф Артур Бурмон исчез неизвестно куда из своей квартиры. Полагают, что расстройство состояния и домашние неприятности побудили его покончить жизнь самоубийством, тем более что ходят слухи, что графиня Бурмон отправилась на другой день, после того как исчез муж ее, с одним из самых богатейших купеческих сынков столицы в город Марсель».

Вот это-то, верно, и поразило графа и заставило его упасть без чувств на постель. В продолжение этого мучительного обморока он видел какой-то страшный сон, каких-то ужасных призраков, кричавших ему:

– Молодая и прелестная женщина не отказывается никогда от роскоши и удовольствия!

– В особенности для того, чтобы лишить себя жизни!

- Она обманула тебя, дурак!
- Она любила не тебя, а деньги, покуда ты имел их!
- Она любила твою молодость и здоровье, покуда ты был молод и здоров!
- Но теперь, когда ты промотался дочиста, сделался нищим, исчах и истаскался, прощай!

Когда из лимона выжмут весь сок, то корки бросают! Так поступила она и с тобой!

- Теперь она любит другого молодца, у которого есть деньги, здоровье и красота!
- Она хотела сбыть тебя с рук, ты надоел ей!
- Она воспользовалась твоей глупой пылкостью!
- Твоим разорением!

– А также своей ловкостью и хладнокровием, между тем как ты, дуралей, предавался восторгам последних объятий. У тебя во рту было горлышко скляночки с ядом, а у нее дно. Ты раскусил скляночку и проглотил яд сдуру, а она нет! Она крепко сжала зубы, чтобы ни одна капелька не попала ей в рот!

- Теперь она хохочет над твоей глупостью со своим любовником!
- Она считает тебя мертвым!

Тут граф пробудился, с пеной на губах вскочил с бешенством на ноги, а потом опять упал на постель без памяти.

Честный сторож опять начал ухаживать за ним и снова спас его от смерти, ибо, по счастью, яд был разведен и не так действенен.

Когда граф выздоровел совершенно, то дал сторожу бриллиантовый перстенок, оставшийся у него по случаю, для продажи, часть вырученных за него денег отдал доброму леснику за попечение о нем, а с остальными скрылся неизвестно куда.

Вскоре после того в марсельской газете появилось следующее объявление:

«Ужасное преступление, совершившееся в нашем городе, поразило ужасом всех жителей. Вдовствующая графиня Бурмон приехала недавно в наш город вместе с господином N, сыном богатого парижского банкира. Эта дама, как говорят, путешествовала по Франции для своего здоровья и развлечения, а спутник ее – по коммерческим делам. Во избежание лишних издержек они жили вместе в одной комнате в гостинице „Веселые острова“. Однажды вдруг услышали ужасный вопль и крик в ее квартире. Служители гостиницы бросились тотчас туда и, выломав запертую на ключ дверь, нашли ее плавающую в крови и пораженную несколькими ударами кинжала. Она успела сказать только следующие слова своему спутнику: „Я думала, что он умер, а он еще жив... Он зарезал меня... Опасайся его... Я любила только тебя одного, мой милый...“ После чего она умерла.

Похороны ее были совершены сегодня утром. Убийцу разыскивают. Говорят, что он есть граф Артур Бурмон, муж этой дамы, которого считали умершим, но, однако, не надеются поймать его, ибо многие свидетели утверждают, что видели его вчера вечером, вскоре после совершения преступления, идущего очень быстро к пристани, а в ту же самую ночь купеческий корабль под сардинским флагом снялся с якоря и ушел в море. Но многие другие обстоятельства также заставляют предполагать, что это чудовище ревности бросилось в воду. Вот его приметы, объявленные полицией: рост пять футов десять дюймов, лицо весьма худощавое, бледное, продолговатое и обрюзгшее от пьянства. Волосы, брови и усы черные, борода давно небритая, глаза серые, подбитые. Одежда: черный разорванный сюртук, полосатые панталоны и круглая измятая серая шляпа, старые стоптанные сапоги с дырами».

Каким же образом промотавшийся кутила-мученик, знаменитый матушкин сынок граф Артур Бурмон, проходя через тысячу мытарств или, как говорят, просто переваливаясь из кулька в рогожу, сделался наконец атаманом морских разбойников и капитаном корабля «Гиена», то есть великим в своем роде человеком? Об этом слишком долго можно рассказывать, а потому, опасаясь утомить внимание наших читателей, скажем короче, что граф Артур Бурмон и атаман Брюлар есть одно и то же лицо.

Итак Брюлар (или граф Бурмон) вышел на палубу, предоставив честному Бенуа, лежа на сундуке, ругаться и кричать сколько ему угодно.

Глава IX

Судьба наказывает торговца неграми

Когда атаман поднялся на палубу своего корабля, то матросы вдруг перестали разговаривать между собой и замолчали.

И действительно, если фигура атамана была некрасива, зато казалась ужасной для самих разбойников.

Он держал в руках толстую дубовую дубину, которой помахивал как тросточкой.

– Где Кривой, мошенники? – спросил он.

Кривой выступил вперед.

– Вели спустить шлюпку на воду, посади в нее пятнадцать человек вооруженных людей с двумя пушками и ступай на корабль этого господина. Что касается матросов, находящихся в этой лодке, то отвези их туда же и закуй в железо вместе с остальными. Пятнадцать человек наших будет довольно, чтобы справиться с этими собаками и управлять взятым кораблем. Ты будешь начальствовать ими. Следуй за мной, да смотри не отставать! Корми и береги негров, это чистые денежки! Ну, пошел!

Приказания Брюлара были исполнены в точности. Только когда Кайо увидел вооруженную шлюпку, приближающуюся для овладения «Катериной», он вздумал было обороняться. Но дело кончилось тем, что он и двое других матросов были убиты, а корабль взят Кривым, который справедливо заметил в этом случае, что гораздо лучше, когда тремя дармоедами меньше. Вскоре «Гиена» распустила паруса и, поворотив в полветра, пошла на юг к африканскому берегу.

Тогда Бенуа понял по качанию корабля и беготне на палубе, что судно опять пошло в путь.

Ветер так усилился и «Гиена» так шибко шла и обгоняла «Катерину», что вынуждена была убавить паруса, несмотря на то что Кривой велел распустить все паруса до последнего на своем судне и всячески старался не отставать.

– Эй, ты, рулевой черт! – сказал Брюлар. – Смотри правь прямо на юго-восток, да не зевай у меня, а не то, знаешь... – После чего он спустился в каюту к своему пленнику.

– Ах, проклятый разбойник! Вор! Грабитель! Злодей! – воскликнул честный шкипер, увидев его входящим в каюту. – Ах, если бы у меня были пушки и мой добрый Симон, ты бы не так-то скоро справился со мной! Дал бы я тебе сдачи!

– Точно так же, голубчик?

– Нет, черт возьми! Нет! Увидел бы, какого жару я задал бы тебе!

– Ну как хочешь! Может быть. Но, однако, мне ужасно хочется пить.

Тогда Брюлар взял свою дубовую дубину и постучал ею в потолок.

На этот звук прибежал тот же безобразный урод с курчавой головой и поставил большую кружку рома на стол.

Шкипер «Катерины» все еще продолжал лежать связанный на сундуке, не имея возможности пошевелить ни одним членом.

– Послушай-ка, земляк, – продолжал Брюлар, выпив большой стакан рома. – Будем для препровождения времени играть в какую-нибудь игру. Ну хоть в загадки! Угадай, что я хочу сделать с тобой и твоими матросами?

– Черт возьми! Это нетрудно угадать! Ограбить нас кругом, злодей!

– Нет, не угадал.

– Взять нас в плен, чудовище!

– Нет, все не то!

– Ну так убить нас, ибо ты способен на все.

– Ты угадал, но не совсем еще!

– Тысяча миллионов чертей! Слышать это и лежать здесь неподвижно, как мешок с рисом или кофе! Это ужасно!

– Что делать, друг мой, всего на свете натерпишься! Но, однако, ты все-таки совершенно не угадал. Ну так слушай же... – И он выпил еще стакан рома.

Бенуа зажмурил глаза, но вдруг, ободрившись, воскликнул:

– Я не хочу слушать тебя, подлый разбойник, я помешаю тебе говорить, увидишь!

И шкипер начал кричать, вопить, реветь, петь, чтобы заглушить голос Брюлара и не слышать его ужасных насмешек.

Несколько матросов, испуганных этим дьявольским шумом, бросились к дверям каюты, полагая, что там режутся.

– Куда вы бежите, каналы? – воскликнул Брюлар. – Ступайте к черту! Разве вы не видите, что этот господин забавляется, распевая намакские романсы? А, проклятый музыкант, стой, я дам тебе!

Но несчастный Бенуа продолжал кричать: «О! А! У! Ай! Ой!» на все голоса, чтобы заглушить рассказы атамана.

– Мне это надоело! – сказал Брюлар. – Хорошо послушать минуту, а после, право, несносно... – И он мигом заткнул платком рот Бенуа, у которого глаза выпучились и налились кровью. – Ну, теперь, когда ты успокоился, я буду разговаривать с тобой и открою тебе, что я намерен сделать с твоей милостью и с твоими матросами. Должен признаться, что я прежде имел глупость покупать негров на берегу. Как бы дешево они мне ни доставались, все-таки нужно было платить за них что-нибудь. Однажды, когда я и товарищи мои промотали до последней копейки весь барыш, полученный от подобной продажи, мне пришла в голову счастливая мысль о той афере, о которой я тебе говорил... Ну лежи же спокойно, не бейся! Ты надорвешься этак... Вследствие этого я плаваю вдоль берегов и как только увижу корабль, нагруженный неграми, то – хлоп! раз! два! – беру себе его груз даром, а судно и матросов посылаю к черту. Таким образом, негры мне ничего не стоят, я получаю чистый барыш и могу дешевле прочих продать их в колониях. Теперь ты понял все дело, но, слыша рассказы твои о больших и малых намаках, мне пришла в голову другая забавная мысль.

Бенуа побледнел.

– Вот видишь ли, мы идем теперь на юго-восток, то есть несколько севернее Красной реки, или иначе, мы идем к малым намакам, братьев, отцов и друзей которых твоя милость изволила купить.

Бенуа судорожно вздрогнул.

– Понимаешь ли теперь? Один из моих молодцов отлично говорит по-кафрски и по-намакски. Я посажу его в шлюпку с тобой и твоими матросами и отправлю вас на берег, приказав ему хорошенько растолковать малым намакам, что ты есть тот самый белый человек, который с давних пор покупает пленных, взятых неприятелем, вождем больших намаков, и ты можешь себе представить, с какой радостью отомстят они тебе за ужасную участь, которой подвергаются их соотечественники.

Глаза Бенуа засверкали, он застонал.

– А, наконец ты начинаешь понимать меня... Ну так мой молодец явится к начальнику деревни малых намаков и скажет ему следующее: «Великий царь! Начальник мой, белый человек, весьма достойный и почтенный, поймал другого белого, который есть самое подлое и гнусное существо на свете. Это чудовище купило у неприятеля твоего, царя больших намаков, всех пленных, взятых им в последнем сражении. А в доказательство вот труп одного из них, кото-

рого он, без сомнения, убил». Этот труп, товарищ, – продолжал Брюлар с дьявольской улыбкой, наклонившись к Бенуа, – есть один из твоих негров, которого мы приготовим для этого, то есть утопим для доказательства, что это есть сущая правда. Потому что если бы он был жив, то мог бы проболтаться.

Глаза Бенуа выпучились ужасным образом и засверкали.

– Еще не все, товарищ, – сказал Брюлар, – молодец мой продолжает: «Великий царь! Мы нашли на корабле его только один этот труп, ибо, без сомнения, он побросал прочих негров в море, чтобы обмануть бдительность моего начальника, неумоимо преследующего этих подлых торгашей человеческим мясом, и чтобы не быть взятым с поличным. Но, к счастью, этот малый намак всплыл на поверхность воды, как будто бы нарочно для доказательства его преступлений, ибо правосудие небесное всегда постигает злодеев. А потому, великий царь, начальник мой передает тебе этого белого и сообщников, а взамен их просит у тебя двадцать или тридцать твоих пленников, соотечественников этих больших намаков, которые столь подлым образом продали твоих собратьев этому злодею, и притом же, если вы имеете похвальное обыкновение пожирать своих неприятелей, то советую вам попробовать мяса этих белых людей, оно очень вкусное!»

Тут платок, которым был заткнут рот у Бенуа, обагрился кровью, и глаза его закрылись. У несчастного шкипера лопнула жила в груди от бешенства и напряжения.

Брюлар привел его в чувство, прыснув ему в лицо ромом.

– О, сжался, сжался надо мной! – сказал Бенуа слабым и прерывающимся голосом.

– Я не понимаю тебя, – отвечал Брюлар, смеясь.

– Помилуй! Пощади! – повторил шкипер «Катерины».

– Я не понимаю этих слов, но продолжаю. Итак, ты можешь представить себе радость царя негров и его подданных, когда они получают белых людей! Тех самых, которые продают и покупают собратий их, как скот! Они не будут торговаться и дадут нам в обмен множество больших намаков. А что касается тебя и твоих матросов, то вас убьют, изжарят и съедят! Одним словом, уничтожат совершенно, а я, получив судно твое в добычу от этой штуки, буду таким образом владельцем двух отличных кораблей вместо одного, нагружу их битком большими намаками, которых я получу даром в обмен за тебя и за твоих матросов, и пойду на Антильские острова, где с большой выгодой распродам моих негров. Таким образом, я осчастливлю колонистов, обогачу моих товарищей, а что всего лучше, накажу такого гнусного и бесчеловечного торговца неграми, как ты, который продает собратьев своих, как скот... Видишь ли ты, что небесное правосудие наказало наконец тебя? Но я устал... Уф! – И Брюлар выпил разом два стакана рома.

Несчастный Бенуа, пораженный силой этого ужасного красноречия, не смел отвечать ни слова, а когда атаман замолчал, то, собравшись несколько с духом, он сказал дрожащим голосом:

– Я не могу поверить, чтобы такое ужасное намерение могло прийти в голову человеку... Возьмите мой корабль и моих негров, но, вместо того чтобы высадить меня на берегу у Красной реки, свезите меня к берегам Рыбьей реки. Там по крайней мере я имею друзей и не буду убит. Я прошу вас не столько для себя, сколько для моих матросов, клянусь вам! Я прошу вас, умоляю на коленях! Убейте меня, но не подвергайте столь ужасной участи этих несчастных матросов, имеющих семьи, жен и детей!

– Пустяки! Что мне за дело до их семей!

– Капитан! – продолжал шкипер «Катерины» со слезами на глазах. – Бог наказывает меня за постыдное ремесло, которым я занимаюсь, но клянусь вам, что я самым человеколюбивым образом обращался с моими невольниками. И притом же, капитан... О, капитан, у меня есть жена и сын, у которых я единственная опора! Возьмите все, но сделайте милость, оставьте мне жизнь! О, пощадите меня! Позвольте мне возвратиться на родину к моей семье.

– Смотри, пожалуй, какой легкомысленный! Сейчас только просил он смерти, а теперь просит жизни! Как тут угодить ему!

– О, пощадите меня и матросов моих. Это бесполезная для вас жестокость!

– Как бесполезная? Я получаю от этого корабль и груз негров.

– Боже мой! Боже мой! Что делать? Бедная моя жена и сын! – говорил Бенуа, плача горькими слезами.

– Хорошо, плачь, плачь себе! Я желал бы видеть кровавые слезы. О, и я также в моей жизни испытал жестокие мучения. Люди должны заплатить мне за то, что я терпел от них! Кровь за кровь, страдания за страдания!

– Но скажите, ради бога, разве я виноват в этом? Я никогда не делал вам зла.

– Тем лучше, страдания твои будут ужаснее.

– Капитан, пощадите! Пощадите меня!

– Перестань горланить! Ты мне надоел, право! Мне хочется отдохнуть, а потому замолчи! Или лучше я заткну тебе рот платком, это будет вернее.

Что он и сделал.

Потом он лег и заснул до тех пор, пока его безобразный прислужник Картаут, урод с курчавой головой, не разбудил его, сказав:

– Капитан! Берег виден.

– А, черт возьми! В самом деле, а мне снилось, что негры жарили этого старого борова, – сказал Брюлар, выходя на палубу.

– Да ты чудовище, людоед! – глухо хрипел Бенуа.

Атаман вышел на палубу, увидел высокие каменистые и красноватые горы, окружающие эту часть африканского берега, и с помощью зрительной трубы заметил несколько шалашей негров при устье Красной реки.

Бесполезно будет повторять все вышесказанное, достаточно будет заметить, что злобное намерение атамана, открытое несчастному Бенуа, было в точности исполнено с надлежащим успехом.

Утопленный негр, кафрский переводчик – ничего не было забыто. Только говорят, что когда Бенуа стал просить у атамана о последней милости позволить ему написать письмо к Катерине и Томасу и доставить его во Францию, а также дать еще раз поцеловать ему портрет его жены и венок из васильков, ею сплетенный, то атаман не только отказал ему в этом, но еще и посмеялся над ним.

Наконец в тот же самый вечер Брюлар перешел на взятый им корабль «Катерина», а управление разбойничьим судном поручил своему помощнику Кривому.

Груз его состоял из пятидесяти одного негра, купленных шкипером Бенуа, не считая Атар-Гюля, и двадцати трех больших намаков, полученных им в обмен за господина Бенуа и матросов «Катерины». Эти негры были также закованы в железо и посажены на его судно...

В точности неизвестно, что случилось с Бенуа и его матросами, только один из разбойников, служивший при этой экспедиции переводчиком, рассказывал своим товарищам по возвращении, что вся деревня малых намаков, мужчины и женщины, дети и старики, сбежали на берег, были вне себя от радости и, указывая на матросов Бенуа и на несчастного шкипера, связанных и лежащих на земле, пели, поглаживая себе брюхо: «Мы похороним их тут, в нашей утробе, это будет славная могила для белых людей, мы похороним их тут и принесем в жертву глаза их и зубы великому Томав-Ову!»

– Ну, теперь, – сказал атаман Брюлар, – пойдем к Ямайке, и если из сотни негров останется у нас хотя бы тридцать в живых по две тысячи франков за штуку, то это будет для меня золотая сделка, чистый барыш.

Потом, как всегда, он ушел в свою каюту и заперся там на ключ, сказав разбойникам:

– Того из вас, кто осмелится войти ко мне раньше завтрашнего утра, я швырну в море за борт!

Что он делал там в заперти каждую ночь?

Для чего такое уединение?

Зачем свеча горела там беспрестанно?

Этого не знал никто из разбойников.

Глава X В трюме

Атаман Брюлар велел перевезти на корабль «Катерина» все свои вещи и мебель: стол, запачканный салом и вином, старый сундук, в котором ровно ничего не было, синюю разорванную грязную рубашку, толстую дубину и оловянную кружку с ромом.

Войдя в каюту несчастного шкипера Бенуа, он был приятно удивлен богатством, там находившимся. Во-первых он взял соломенную шляпу и надел ее себе на голову, потом оделся в шкиперскую куртку и панталоны. Правда, все это было для него очень узко, очень коротко, за что он и осыпал проклятиями и ругательствами прежнего хозяина этих вещей. Но он не думал о щегольстве и довольствовался тем, что нашел.

На другой день утром, встав с постели и одевшись перед зеркалом в новое свое платье, он сказал:

– Какой молодец я стал теперь, черт возьми! Ничто так не меняет наружность человека, как платье!

Потом он с аппетитом позавтракал куском трески, ломтем голландского сыра и тремя кружками водки, а после того спустился под палубу, чтобы осмотреть негров. Со вчерашнего дня большие намаки были несколько забыты, покинуты, но что делать! В продолжение этого времени случилось столько важных происшествий, что, право, некогда было думать о них.

А потом около полудня атаман Брюлар спустился под палубу, весьма просторно устроенную для помещения негров. Свет проходил туда сверху сквозь решетчатое окно.

Брюлар начал осмотр своего корабля с правой стороны.

О, тут находились только одни ребята, бедные и слабые творения, служащие, можно сказать, мелкой ходячей монетой в этом торге человеческим мясом! Эти черные ребятишки играли тут точно так же, как будто бы они были на цветущих и тенистых берегах Красной реки, в родной стране своей.

Брюлар прошел мимо и нечаянно придавил своей ногой в темноте одного ребенка, который испустил пронзительный крик.

– Зачем ты суешься мне под ноги, проклятый африканский поросенок! – сказал Брюлар.

И он продолжал идти дальше под палубой корабля, будучи весьма недовольным этими негритятами, которые плохо идут в продажу. Но когда он дошел до отделения больших негров мужского пола, то улыбка удовольствия показалась на губах его. Это были все здоровые и сильные люди, крепкого телосложения, а потому атаман с жадным любопытством осматривал их широкие плечи, жилистые руки и ноги. И хотя они были все скованы, однако же нельзя было сомневаться в их силе, ибо они были здоровы и молоды. Старшему из них не было и тридцати лет от роду.

Эти взрослые негры не подражали счастливой и простодушной беспечности ребят, ибо они лучше понимали свое положение.

Некоторые из них сидели неподвижно, свесив голову на грудь и потупив в землю мутные и бессмысленные глаза.

Другие ломали себе руки, скрипели зубами и выли.

Иные старались проглотить свой язык и тем задушить себя – род смерти, как говорят, довольно обыкновенно употребляемый у дикарей.

Иные лежали враспашку на полу и в бешенстве и отчаянии бились ногами, тщетно стараясь разорвать свои оковы.

Наконец, некоторые из них, а это была большая часть, лежа на боку, спали тревожным сном, мечтая об отечестве своем, и даже радость и удовольствие выражались на лицах многих из спящих.

Между прочим Атар-Гюль, молодой негр с курчавыми волосами, улыбался во сне, волнуемый воспоминанием о родине и приятным призраком минувшего счастья. Бедный негр был так доволен своим сновидением!

– Я посмеюсь тебе передо мной, черный урод! – сказал Брюлар, которому досадно было видеть эту неуместную веселость, и ударом дубины разбудил спящего.

Право, жалко было смотреть на этого человека, недавно столь веселого, столь довольного, вдруг погрузившегося в мрачное безмолвие при виде своих оков и заливающегося слезами.

Ибо тогда он вспомнил о настоящем своем положении и подобно прочим почувствовал ужасный голод, потому что во время тревоги их совершенно забыли и не кормили.

Брюлар прошел к самому концу корабля; там были помещены женщины.

– А-а! – сказал атаман. – Вот здесь-то сераль, черт возьми! Нужно посмотреть это хорошенько, Картаут, принеси-ка мне фонарь! – крикнул он своему прислужнику.

Фонарь тотчас был принесен, и Брюлар начал осматривать.

Представьте себе около двадцати негрятенок от семнадцати до двадцати двух лет, стройных, рослых, здоровых молодых девушек с красивыми лицами, прямыми и тонкими носами, высоким лбом, покрытым густыми длинными черными волосами, лоснящимися как воронье крыло. А какие глаза! Пламенные, сверкающие! И розовые губы, между которыми белел ряд жемчужных зубов.

Если бы вы видели их, всех этих негрятенок, странным образом освещенных дрожащим светом фонаря Брюлара! Одни из них, едва прикрытые лоскутом пестрой ткани, показывали круглые и полные плечи, другие закрывали руками свою прелестную грудь, третьи...

Одним словом, вид этих черных красавиц так прельстил Брюлара, что он сказал своему прислужнику Картауту:

– Сведи-ка ко мне в каюту вот этих двух мамзелей! – И указал на них дубиной, ударив при этом их по спине.

Картаут отпер запоры и погнал перед собой этих двух бедных девушек, печальных, полунугих и робких.

При виде их, входящих по узкой лестнице каюты, тусклые глаза атамана заблистали подобно двум горящим уголькам.

Он последовал было за ними, но, сделав несколько шагов вперед, был остановлен странным и ужасным зрелищем.

Глава XI Атар-Гюль

Читатели наши, вероятно, помнят того высокого красивого негра, которого покойный шкипер корабля «Катерина», господин Бенуа – царство ему небесное! – купил у маклера Ван Гопа, Атар-Гюля, столь внезапно разбуженного дубиной Брюлара, за то, что этот негр осмелился смеяться перед ним во сне.

Отделенный от прочих неизвестно по какой причине, он был помещен близ выхода на палубу.

Проходя мимо него, атаман поскользнулся, споткнулся и упал на пол, ругаясь.

Поднявшись на ноги, он увидел свои руки, запачканные кровью, и Атар-Гюля, лежащего почти без дыхания.

Он подошел к нему и, рассмотрев хорошенько, увидел, что несчастный прокусил себе жилы на руках зубами, чтобы изойти кровью и умереть.

– А, собака проклятая! – воскликнул атаман. – Ты хочешь лишить меня двух тысяч франков! Нет, брат, стой! Я не дам тебе умереть! Эй, Картаут, скорей сюда!

Прислужник поспешно прибежал.

– Ступай наверх в каюту и мигом принеси мне оттуда два носовых платка, корпии и кусок жеваного табака... Нечего делать, придется самому быть лекарем!

Когда Картаут принес все требуемое, то Брюлар проворно перевязал искусанные руки Атар-Гюля и остановил кровотечение.

– Теперь, – сказал атаман двум из своих разбойников, – свяжите руки этому черномазому черту да отнесите его наверх на палубу... Ему надобно проветриться.

Разбойники унесли Атар-Гюля почти бездыханного. Оживленный свежим ветерком, он открыл глаза. Это был, как известно, человек высокого и крепкого телосложения, не уступавший ни в чем Брюлару.

По знаку атамана все разбойники удалились и оставили его одного со своим пленником.

Атар-Гюль также пристально смотрел на него.

Эти два человека должны были непременно полюбить или возненавидеть друг друга с первого взгляда.

Они возненавидели. Это ощущение было мгновенное, но выразилось различным образом у каждого из них. Глаза Брюлара засверкали, губы побледнели. Напротив, Атар-Гюль остался спокойным и равнодушным, и даже кроткая улыбка появилась на его устах. Взоры его, сперва неподвижные и пронизательные, устремленные на атамана, вдруг сделались умоляющими и боязливыми, и негр с выражением глубокой покорности протянул свои руки Брюлару.

Хитрая смывленность дикаря подсказывала ему, что для удовлетворения ненависти нужно притворяться и идти мрачными и далекими извилинами. И лицемерие, столь же искусное в диком, как и в образованном состоянии человечества, очень помогло ему в этом случае.

– Это трус! Он боится меня, он просит о пощаде, – сказал Брюлар, – а я думал о нем лучше. Впрочем, и то правда, что это дикий скот не способен чувствовать ни гнева, ни ненависти.

Это ложное предположение погубило Брюлара. С этого времени Атар-Гюль стал гораздо выше его.

Атаман, не почитая его достойным своей злобы, обернулся к нему спиной и отошел прочь.

В это время он вспомнил, что негры его со вчерашнего дня еще ничего не ели, а потому позвал одного из разбойников, умевшего говорить по-намакски, и велел накормить их.

Через час после этого негры получили по порции воды, трески и сухарей и приходили кучками от двенадцати до пятнадцати человек дышать свежим воздухом на палубу корабля.

Эти бедные невольники грелись под благотворными лучами солнца, забывая темную и сырую тюрьму свою под палубой. И смеялись от радости своим глупым и бессмысленным смехом, видя над собой лазурное небо и показывая на него пальцем друг другу.

После того пригнали также на палубу и женщин проветриться и отдохнуть.

– Капитан, – сказал один разбойник Брюлару, – послушайте-ка... – И он прошептал ему что-то на ухо.

– В самом деле? – отвечал атаман. – Стой же, я дам ему! Поди сюда, Сухой, – сказал он, обратившись к одному из матросов своих, прозванного неизвестно почему Сухим, хотя он был очень толст. – Поди сюда! Как осмелился ты, бездельник, прикоснуться к одной из тех женщин,

которых привели в мою каюту? Разве ты не слышал моего приказа, которое должно быть священо для тебя?

– О, священо, священо! Похоже на то...

И матрос хотел прибавить еще какую-то насмешку, но атаман, ударив его сильной рукой своей, опрокинул на палубу.

Упрямый Сухой, поднимаясь на ноги, продолжал ворчать, упрекая атамана в несправедливости.

– А, ты еще умничать стал! Постой же, я дам тебе, ты получишь ее!

– Негритянку? – спросил Сухой.

– Да!

Но в этом «да» заключалась ужасная насмешка, которая заставила невольно вздрогнуть матроса.

Брюлар отвернулся от него и продолжил разговаривать с другими разбойниками.

– Итак, ты говоришь, что две негритянки не хотят выходить наверх?

– Я не говорю «не хотят», капитан, а говорю, что не могут, потому что они умерли.

– Черт возьми! И из хорошего разбора?

– Одна была ничего, порядочная, а другая так себе, худенькая.

– И на третий день уже! Тысяча чертей! Ну что, если они все начнутдохнуть! От чего они умерли, от жары или от голода?

– Я думаю, что от голода и от жары.

– Выкинь же их скорее оттуда, они перепортят мне остальных.

– Слушаю, капитан. Правда, они уже пахнут...

Через десять минут два матроса вынесли на палубу тела умерших негритянок и хотели бросить их в море.

– Постой! – сказал атаман.

Матросы опустили тела опять на палубу.

– Сухой! – закричал Брюлар. – Тебе приглянулись негритянки, я на тебя вовсе не сержусь за это, а чтобы доказать тебе мою снисходительность, то вместо одной даю тебе двух. Привяжите его к бочке вместе с этими двумя трупами и бросьте в море!

– Живого? – спросил с беспокойством один из разбойников, бывший в большой дружбе с Сухим.

– Разумеется! – отвечал атаман, уходя в свою каюту.

После этого раздались вопли, ужасный крик, мольбы, ругательства и, наконец, шум падающего в воду тяжелого тела, всплеснувшего брызги на палубу.

Тогда Брюлар вышел опять наверх и, указывая разбойникам на бочку, плавающую уже далеко от них по морю, и на несчастного Сухого, который, сверкая глазами и извиваясь на трупах, к коим он был привязан, испускал ужасные, отчаянные вопли, сказал:

– Да послужит это вам примером, мошенники! Вот что значит не исполнять приказаний вашего великого атамана! Впрочем, он не умрет с голоду, – прибавил Брюлар улыбаясь.

Через несколько минут после того бочка едва чернела вдалеке, на середине океана, а вскоре исчезла совершенно с заходом солнца.

Наступила ночь. Огонек опять засветился в каюте Брюлара. Этот огонек и уединение сильно возбуждали любопытство разбойников. Что такое делал он там каждую ночь? Зачем он так старательно запирался? Ибо он под страхом смертной казни запретил входить в свою каюту, за исключением особенных, важных и не терпящих отлагательства происшествий, в противном случае нарушитель его приказаний был бы немедленно выброшен в море. Такую силу и власть сумел приобрести атаман над разбойниками, слепо повиновавшимися ему.

Глава XII

Тайна

Атаман старательно запер на ключ и на задвижку дверь каюты.

На корабле не было слышно ни малейшего шума, только ветер изредка посвистывал в снастях. Паруса полоскали, волны слегка плескались о корму корабля и раздавались перед быстрым ходом его блестящей бороздой.

Он прислушался, удостоверился, что никто не подсматривает за ним, подошел к сундуку и открыл его.

Сначала можно было бы подумать, что этот старый ларец совершенно пуст, но, внимательно осмотрев его, можно было заметить в нем двойное дно.

Брюлар достал из этого сундука маленькую кожаную коробочку, богато украшенную, с графским гербом.

Возможно, это был герб графа Артура Бурмона, ныне Брюлара, – атамана морских разбойников и кандидата на виселицу.

Атаман задернул занавески на окнах каюты и положил драгоценную коробочку на маленький запачканный столик, стоявший подле койки.

Потом лег на нее, с презрением бросив на пол шляпу, куртку и панталоны покойного шкипера Бенуа.

После этого он почтительно вынул из коробочки маленькую хрустальную граненую скляночку, поднес ее к свету лампы и начал рассматривать находящуюся в ней жидкость.

Это была густая, клейкая и блестящая кофейного цвета жидкость, по-видимому, для него очень драгоценная, ибо глаза его заблестали радостью и удовольствием, когда он заметил, что скляночка была еще наполовину полная.

Вынув из коробочки маленькую золотую чашечку и склянку побольше, он откупорил маленькую скляночку и вылил из нее в чашечку двадцать капель кофейного цвета жидкости. Потом он долил чашечку светлой жидкостью из другой склянки, от чего напиток приобрел красновато-золотистый цвет.

Брюлар с жадностью поднес чашечку к своим губам и медленно выпил жидкость, закрыв глаза и положив руку на грудь. После чего он старательно убрал и спрятал в сундук маленькую коробочку.

Тогда лицо его совершенно переменялось. Оно приняло величественное и удивительное выражение блаженства и наслаждения...

– Прощай, земля! Теперь я в раю! – сказал он, бросаясь на постель...

Брюлар принял опиум, который, по обыкновению, выпивал каждый вечер.

Вследствие постоянного употребления этого головокружительного напитка он привык почитать мечтательную жизнь с ее чудесными снами и прелестными призраками, производимую действием опиума, настоящей, действительной жизнью, смутное воспоминание о которой приходило ему на ум посреди ужасных сцен, совершавшихся на его корабле. Так воспоминание о счастливом дне радует иногда наше сердце даже посреди ужасного сновидения.

В то же самое время он почитал свою настоящую жизнь, жизнь, которую он вел посреди разбойников, грабежей и убийств, неприятным сновидением, призраком, которым он невольно был увлекаем.

Одним словом, это была жизнь в обратном смысле.

Сновидения вместо сущности.

Может быть, это вам не очень понятно, но попробуйте сами опиум, любезный читатель, и вы увидите.

Впрочем, поверьте мне, я испытал это на собственном опыте.

Часть вторая

Глава I Опиум

О сладостное и восхитительное упоение опиума! Чистое, приятное, совершенно духовное, возвышенное и поэтическое опьянение!

Подле настоящей печальной и горестной нашей жизни ты возбуждаешь другую жизнь, мечтательную, блистательную и веселую.

В это время никогда не чувствуют горестей, приятные сновидения лелеют нас, мы наслаждаемся без сожаления. Жизнь наша тогда подобна бесконечному празднику, любви без слез, весне без зимы.

Посмотрите на этого Брюлара! Если бы вы знали, о чем он мечтает теперь во сне! Какой странный это человек! Свирепый, кровожадный и развратный. Посредством бесчисленных преступлений и злодеяний он приобрел неимоверно сильную власть над этой толпой гнусных и подлых разбойников. Никогда не приходила ему в голову великодушная или утешительная мысль. Он погряз в злодействах и пороках.

Эта-то настоящая, действительная его жизнь, жизнь разбойника, торговца неграми, злодея, грабителя, убийцы, неминуемо приведет его рано или поздно к желаемой цели – к виселице! Но теперь он мечтает. Душа его покинула свою гнусную оболочку, теперь начинается другое его существование, прекрасное, веселое, блестящее, украшенное цветами, женщинами, великолепными домами, песнями славы и любви, одним словом, самое блаженное существование, ибо опьянение, производимое опиумом, возвышает его дух до невероятной степени. Все сокровища света и все силы земные не в состоянии доставить вам даже тысячной части того неизъяснимого блаженства, которым наслаждается теперь этот оборванный разбойник.

И он проводит таким образом не час, не день, не год. Половина его жизни протекает в этих райских наслаждениях. Что касается настоящей, действительной своей жизни, то он почитает ее неприятным сновидением, тягостным призраком.

Но последуем теперь за мечтами, возбуждающими на его лице невероятное выражение радости и восхищения.

Сон

Великолепный, чудесный дом глядится в синие зеркальные воды Адриатического моря, окруженный зелеными деревьями, величественными колоннами и мраморными лестницами, омываемыми морскими волнами.

Множество богато украшенных и позолоченных лодок качались у пристани, с нетерпением ожидая гостей.

Послышалась сладостная музыка, нежные и приятные звуки.

Потом вышли из дома прелестные девицы, черноглазые, черноволосые, с восхитительной улыбкой на розовых устах, и сели в лодки, играя на гитарах.

Приятные и печальные звуки этой музыки заставляли плакать сладкими слезами.

Лодки поплыли по морю, легкий ветерок надувал их белые паруса. Он прошелся мимо ароматных рощ апельсиновых и жасминовых деревьев и удалился от берега.

На корме каждой лодки было оставлено пустое место, молодые девицы бросали туда цветы, напевая нежные песенки.

Вдруг лодки составили полукруг и быстро понеслись навстречу маленькой лодочке, управляемой одним человеком.

Этот человек был Брюлар, богатый и знатный.

Он мигом перепрыгнул из своей лодочки в одну из позолоченных лодок и поплыл к великолепному дому, сопровождаемый черноглазыми девицами, продолжавшими свое восхитительное пение.

Сев на том месте, которое они покрыли цветами, он привлек к себе одну из молодых девиц и посадил ее на колени.

– О, поди ко мне! – сказал он ей. – Как я люблю твой нежный голос, твою милую улыбку! Распусти свои прелестные черные волосы, дай поцеловать мне твои розовые губки... Мне так сладко будет успокоиться в твоих объятиях, я столько страдал. Вместо вас, милые девицы, я видел во сне ужасных и безобразных людей, вместо этого тихого и зеркального моря и цветущих берегов – бурный волнующий океан, серое, мрачное и туманное небо! Вместо этих позолоченных лодочек – грязью и кровью запачканный корабль и человека, бьющегося на трупах и испускающего ужасные вопли. Вместо этой приятной музыки – крик.

А потом – о ужас! – я видел себя, покрытого рубищем, бросающегося в эту толпу гнусных и ужасных разбойников, говорящего их языком, убивающего их кинжалом. Я стал богатым, стал гордым, стал знатным, возможно ли это?

О, какой сон, какой ужасный сон, забудем его навсегда! Ко мне, милые мои, войдемте в эти блестящие и великолепные комнаты, сядем за этот стол, уставленный яствами и напитками.

Все исчезло...

Потом он видел себя в большой великолепно убранной спальне, обитой шелковыми пунцовыми обоями с золотыми цветами.

В одном углу комнаты стояла кровать красного дерева с богатыми штофными занавесами.

Послышался легкий шум, он спрятался за занавесами кровати. Она вошла в комнату и начала раздеваться. Она сбросила с себя голубое шелковое платье, вышитое золотом, и обнажила свои белые и полные плечи.

Когда она обернулась к нему, прелестное лицо ее выражало радость и удовольствие, большие голубые глаза ее блистали под темными бровями.

Грудь ее вздымалась, волновалась и рвала корсет.

– О милый мой! – сказала она, падая в его объятия. – Как я счастлива, все хвалили сегодня твое мужество, твою храбрость, твое великодушие, а я говорила сама себе: этот храбрый, великодушный молодой человек, этот милый Артур, мой...

– О Мария! Ангел мой, не сон ли это?

– Нет-нет! Спешу в мои объятия, – сказала она.

– О друг мой, какое блаженство!

Пробуждение

– Тысяча миллионов чертей! – ревел во все горло Картаут, прислужник атамана, стуча изо всей силы в дверь каюты. – Да что он, сдох, что ли? Атаман! Атаман! Слышишь ли! Кривой с другого судна кричит нам, что за нами гонятся англичане! Атаман! Атаман, чтоб тебя черти...

Этот дьявольский шум оторвал наконец Брюлара от сладостного усыпления и разрушил прелестные мечты его.

– Уже! – воскликнул он с досадой, вскочив с постели.

Счастливцев сделался опять разбойником! Не удостоив отворить дверь, он вышиб ее ногой и выбежал на палубу. Тут он увидел, что другое судно его шло подле, а Кривой кричал ему во все горло:

– Да что ты оглох, атаман, что ли? Вот уже целый час я надрываюсь, крича тебе, что за нами гонится английский военный корабль, а ты и голосу не подаешь! Дело плохо, медлить нечего, гляди – вот он дает нам сигнал.

– Черт возьми! Вот оно что! – воскликнул Брюлар, совсем протрезвев и опомнившись.

Глава II

Английский военный корабль, преследующий торговцев неграми

– Боже мой, это ужасно! – воскликнул старший лейтенант английского военного корабля, так сильно встревожившего Брюлара и Кривого.

– Мне, право, делается дурно, а тетенька запретила мне подвергать себя сильным ощущениям, – сказал тонким голосом корабельный комиссар, малорослый молодой человек, завитый, напомаженный, набрызганный духами и носивший перчатки даже за столом.

– Такое происшествие может повредить даже самому крепкому желудку в пищеварении, – заметил штаб-лекарь, толстый здоровый мужчина и большой обжора.

– Но если мы поймаем этого разбойника, его непременно следует четвертовать или колесовать, – подхватил лейтенант. – Но не бойся, братец, расскажи нам все подробно, не хочешь ли ты еще пить, любезный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.